

**АЛЕКСАНДР
ЛЕВЧЕНКО**

БОРУХ БАКЛАЖАНОВ. В ПОИСКЕ РАВНОВЕСИЯ

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮД
с элементами геометрии**

18+

Александр Левченко
Борух Баклажанов.
В поиске равновесия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Левченко А. В.

Борух Баклажанов. В поиске равновесия / А. В. Левченко —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

О чем этюд этот? В двух словах и не скажешь. Наверное, о временах разных, сквозь которые мы идем и наблюдаем за их прелестями и мерзостями на примере судьбы человека поколения 90-х. Он видится плывущим на веслах по реке времени и наблюдающим за жизнью и людьми, одновременно расставляя на этой реке маяки в виде имен, идеалов и поступков, которые, по его мнению, должны служить ориентирами. В своих размышлениях он пытается найти ответы на вечные вопросы, равно как и на вопросы, которые ставит современность. «Политический сон Баклажанова» – это вольный авторский взгляд на ход мировых процессов, расстановку сил и даже попытка некоторых прогнозов. Там, в частности, и рассуждения о национальной идее, о мировой элите и оригинальная подача "еврейского вопроса" в целом и советского периода в частности. Просто в отличие от работ профессиональных политологов тут все будет подано в образно-художественном ключе.

© Левченко А. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Немного от автора	6
Апостериори	7
Часть первая. Баклажаново детство	9
Валера	11
Турбокомпрессорный завод	13
Этапы большого пути. У каждого свои	16
О спешке и счастье, или К счастью не спеша	18
Дача как инструмент для выработки стержня и немного о верандных рамах	20
«Сапог сапогом»[5]	22
Человек с дипломатом и «похороны» Грудича	27
Часть вторая. Юность Боруха	32
Стык времен	32
Теория денег Баклажанова	36
Ошибка в танце. Село Жёстково	38
Жёстковский театр драмы (краткая справка)	39
Размышления Баклажанова по «воровскому ходу»	42
Ремесла и судьбы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вьдрин Сергей Николаевич, дед мой, это тебе

*«Хочешь изменить мир – начни с себя»
Возможно, народная мудрость*

*“Wer schreibt – der bleibt”¹
Возможно, она же, но немецкая*

¹ «Кто пишет, тот остается» (дословный перевод с немецкого). Аналог в русском: «Что написано пером, того не вырубишь топором».

Немного от автора

Вы не ловили себя на мысли, что, думая о чем-то, вы вдруг понимаете, что кто-то когда-то об этом уже говорил? Вы хватаетесь за эту мысль и, дорабатывая ее на свой лад, дарите ей новую жизнь. Эта передача мыслей вперед и является, так или иначе, естественным процессом развития общества. Вы читаете книги и газеты, смотрите фильмы, путешествуете по многочисленным источникам информации, общаетесь с людьми разных возрастов, набираясь у одних мудрости, а у других бесшабашности и задора и, пропустив это все сквозь себя, передаете дальше, будучи одним из участников эстафеты, коей и является вся наша жизнь. Она наш вечный наставник, ибо лучше нее учителя придумано не было.

Поколения учат поколения, подавая примеры и давая задания. Примеры эти могут быть хорошими или посредственными, а задания зависят от них. Этот этюд об этом. Он о человеке поколения 90-х, который родился на стыке времен. В нем мысли, наблюдения и умозаключения, которые посещали автора на определенных этапах его жизни. Возможно, что-то он упустил, как киноактер, снявшийся в фильме и жалеющий, что он актер не театральный, поскольку следующим вечером он сыграл бы иначе. Но этюд этот написан здесь и сейчас конкретным автором, в противном случае это была бы уже совсем другая книга.

Некоторые подумают, что автор решил примерить на себя «катехонскую» рубаху – Боже, упаси – рубаха та тяжелее любой кольчуги, да и размеров ни один портной не знает. Будучи же частью того поколения, на написанное он имел полное право, а промолчать было бы преступлением.

Был ли этот герой на самом деле? Может быть, да, а возможно, и нет. А может быть он один из вас, ибо многие найдут в нем часть себя, как и сам автор, когда-то давно беседовавший с ним перед зеркалом за бутылкой коньяка.

Люди живут цитатами мудрецов и философов, питаются различными обрывочными статьями и эссе, поднимающими широкий круг вопросов, но обо всем, что написано тут, так или иначе, думал каждый из них. Попытка собрать многое воедино и была основной задачей этого этюда, но, быть может, осталась всего лишь попыткой, хотя если каждый читатель найдет здесь хоть толику здравого для себя зерна – значит, автор не зря вложил сюда силы и душу, а уж как это получилось – покажет лишь время.

Апостериори

Блаженная тишина, подобно вечернему туману, опускалась из-под сводов синагоги, окутывая хоры и наполняя полутемный зал. Безмолвие лишь изредка прерывалось робким шепотом, разносившимся эхом и угасавшим в воздухе. Приближалось время вечерней молитвы, и народ постепенно прибывал, хаотично растекаясь по залу и рассаживаясь. Люди заходили сюда, оставляя свои тягости и невзгоды вне этих стен, преисполненные веры и надежды. Они входили, словно в какой-то иной мир, снимая маски в сладостном ожидании той редкой возможности побыть собой. Люди заходили домой, где не было богатых и бедных, были сняты погоны и попораны ранги, и огромный магендовид, как всевидящее око, наблюдал из-под купола за всей круговертью этого дома собраний.

Левий то суетился у бимы в последних приготовлениях, то шел к входу, встречая людей, переглядываясь с неподвижно стоявшим поодаль кантором. Кантор был молодым мужчиной лет 30-и приятной полноты и с добродушным лицом. Он держал в руках Тору, одет был согласно случаю и пристально наблюдал за человеком, сидевшим в первом ряду. Человек был средних лет, крепкого телосложения, ухожен, даже слегка щеголеват. Он был в костюме и задумчивости. И то, и другое шло ему. Начищенные до блеска ботинки и идеально выглаженные брюки явно выдавали в нем педанта. «Что он тут делает?» – думал кантор, смотря ему в глаза и внимательно изучая его отнюдь не иудейскую внешность. Человек сидел спокойно, и чувствовалось, что в своих мыслях был где-то далеко. Потом он стал осматриваться, с интересом изучая все вокруг, и в один момент их взгляды встретились. Взгляд у человека был тяжелый, и кантор, открыв Тору, переключился на нее. Затем он стал медленно ходить по залу и, встретившись с коэном, взял его за руку и повел к человеку. Они приближались медленно и беззвучно, слышен был лишь шепот молившегося поодаль миньяна мужчин, мерно помахивавших тфилинами на головах. Подойдя к нему и немного постояв, коэн начал что-то говорить. «Нарекаем тебя...» – доносилось, словно эхом из-под талоса коэна, закрывавшего ему лицо. Говорил он тихо, и человек не мог ничего разобрать. «Нарекаем тебя... Борухом», – повторил коэн, приблизившись вплотную и глядя человеку прямо в глаза.

* * *

Борух проснулся и с криком вскочил. «Приснится же такое?!» – подумал он, вытирая с лица холодную испарину. Баклажанов полежал немного, глядя в потолок и пытаясь прийти в себя. Затем он встал, надел халат и начал ходить по квартире. Голова гудела, и состояние было крайне похабное. Шел восьмой день запоя, и Борух мучительно пытался восстановить в памяти цепь событий последнего времени. Он подошел к холодильнику, достал бутылку белого вина и, бросив в бокал льда, налил половину. Подойдя к окну, он сделал пару глотков и уставился вдаль. «Отпускает», – подумал он через некоторое время. В памяти вертелись обрывки клубов и ресторанов с лицами знакомыми и не очень, и постепенно картина начала восстанавливаться. «Дал ты опять стране угля, шахтер!» – подумал Борух.

Фоном работал не выключенный на ночь телевизор. Шел шахназаровский «Курьер», который Баклажанов знал наизусть. Он продолжил беспутно слоняться по квартире с бокалом в руке и, подойдя к большому зеркалу, начал внимательно изучать себя.

– В чьи руки перейдет воздвигнутое нами здание? – доносилось с экрана.

– В наши перешло! – сказал Борух, глядя в зеркало, допил вино и задумался.

Дома сидеть абсолютно не хотелось и опять тянуло на подвиги. «В баню бы надо сгонять – в себя прийти», – подумал он. Постояв какое-то время под холодным душем, он начал собираться и вызвал такси.

Часть первая. Баклажаново детство

«Я с детства не любил овал!

Я с детства угол рисовал!»

П. Коган

Родился Борух в Ленинграде в «Снегиревке» на Маяковского в первой половине 70-х в простой семье. Мать и отец его были людьми советского воспитания, привитого им, соответственно, их же родителями. Родители Баклажанова, как часто бывало в то время, познакомились в институте, где учились весьма прилежно. Мать была ленинградкой, а отец, как сейчас принято говорить, из «понаехавших». С ним вообще отдельная история. Тогда это был стройный брюнет с густой копной на голове, очень походивший на Раджа Капура в лучшие его годы. То ли четверть цыганских кровей, то ли особый климат его родного города привили ему какую-то жуткую тягу к нестандартным решениям. По жизни он не искал легких путей и сознательно пытался двигаться «против шерсти», надо это было или нет. Ну, пытался – и Бог то с ним, но Борис Борисович Баклажанов всячески хотел втянуть в эту жизненную схему и других, и на ком, как не на собственном сыне, можно было это отработать.

Дело в том, что его мать просила назвать внука Борисом, чтобы в дальнейшем все были полными тезками. И тут Баклажанов-старший встал перед дилеммой: с одной стороны, он не мог послушаться мать, с другой же он не мог себе позволить, чтобы все было так просто. Он начал искать пути и, передумав сотни вариантов, наконец-таки пришел к единственному верному для себя решению. «А почему бы не назвать... Борухом?» – подумалось тогда ему. С одной стороны, Борис Борисович не перечил матери, с другой же утолял свою жизненную жажду к слову стереотипов. Он хотел вырастить такого стального и негнибаемого волка, чтобы тот с молодых ногтей отстаивал это имя, находясь в противоречии с самим собой и окружающим миром. «Да еще и «Благословенный», – подумал тогда он. И благословил.

У Боруха было, в общем-то, счастливое детство, как и у большинства советских детей, если не считать того, что отец как-то в праздном расположении духа, гуляя с коляской, умудрился ее перевернуть и Борух выпал головой на асфальт, что, видимо, и явилось причиной самобытности его образа мысли. Не церемонился отец с ним и в дальнейшем. Помнится, как-то в Адлере в лютую жару он поставил его на рынке в очередь за персиками, а сам пошел по овощным рядам. Пот лился с Боруха в три ручья, наполняя его сандалии, и он с ужасом смотрел вперед, всеми фибрами души оттягивая момент, когда подойдет его очередь.

– Мальчик, ты стоишь или балуешься? – добил тогда его вопросом подошедший мужчина.

– Не до баловства, – подумалось тогда уже седеющему пятилетнему Баклажанову.

Борух ходил в обычный детский сад, спорил с детьми, кому достанется хлебная горбушка за обедом, и уже тогда испытывал то «хоботовское» «нездоровое влечение к женщине»², оказывая всяческие знаки внимания Танечке Пуховой, стараясь сесть к ней поближе за столом и приглашая на танец во время детских праздников. Он мог вовремя взять себя в руки и сконцентрироваться, и даже, стоя на стуле, до конца дочитать стихотворение «Солнышко сияет, весело кругом» с катящимися градом слезами, поскольку мать опоздала к началу праздника и не имела возможности видеть его триумф. Баклажанов, как и все, ненавидел «тихий час» и испытывал особое наслаждение, когда его после обеда забирали домой и он играл во дворе с детьми.

² Лев Хоботов, фраза его супруги, герой к/ф «Покровские ворота», 1982 г., реж. М. Козаков, киностудия «Мосфильм».

Годы брели, и пришло время идти в школу. Родителям хотелось отдать ребенка в «английскую»³ школу, но по прописке этого сделать было невозможно, и тут Баклажанов-старший подсуетился. Он пошел в «английскую» школу другого района и, представившись сотрудником одной весомерной организации, сумел решить вопрос.

Учился Борух сносно, в основном ему давались гуманитарные дисциплины. Помнится, в 1-ом классе на технике чтения он прочитал больше всех слов в минуту, что, возможно, и явилось первыми ростками отстаивания самого себя.

³ Школа с углубленным изучением английского языка (преподавание начиналось со 2-го класса в отличие от обычных школ, где все начиналось с 4-го).

Валера

По прошествии многих лет Баклажанов вспоминал, что очень многое в его жизни зависело далеко не от него самого. Ему казалось, что какая-то всевышняя сила идет с ним по жизни в ногу, оберегая его и направляя нужным, ведомым лишь ей путем. Он вспоминал, как в 4-ом классе, перебегая проспект со школьным ранцем за плечами и пытаясь догнать автобус, какие-то неведомые руки обхватили его сзади и вынули из-под пролетавшего мимо грузовика. Впоследствии Борух прокручивал это в голове множество раз и никак не мог понять, что это могло быть. Это противоречило всем земным законам, но, видимо, для чего-то это было нужно. Он часто беседовал об этом со своим товарищем, и тот рассказал ему такую историю.

Был у Боруха один товарищ-коллекционер. Он пришел к ним в школу в 7-ом классе и как-то сразу ему понравился. Он был немного грузноват, слегка застенчив и очень нелюдим.

– Эдик, – сказал он, – меня зовут Эдик, – повторил он, как будто Баклажанов был туговат на ухо.

– Борух, – ответил Баклажанов, – «Благословенный», – повторил он, как бы стараясь подыграть Эдику.

Борух как сейчас помнил это короткое знакомство, которое продлилось больше 30 лет и дало ему очень многое. Они часто беседовали на разные темы и вырабатывали между собой прогнозы событий в стране, которые зачастую сбывались. Как-то раз Борух повез его в гипермаркет, чтобы тот купил продуктов в семью, поскольку у Эдика машины не было. Они долго стояли у ленты, обсуждая финансы и геополитику, а сколько пакетов взять для продуктов, решить так и не смогли. Судьба не раз разделяла их, но раз за разом сводила снова, словно примагничивая друг к другу. Эдик Этносов был личностью незаурядной. Он прошел пешком половину Средней Азии и Афганистана, останавливаясь на ночлег у местных жителей, обожал горы и называл себя человеком мира. И вот как-то раз, будучи на Кавказе, он остался совсем без денег и остановился в каком-то горном ауле пасти баранов. Голодная смерть тогда совсем не входила в его планы, и он решил что-то заработать, дабы добраться до дома.

Там он познакомился с беглым рецидивистом. Звали его Валера. На тот момент ему было 53-и года, 35 из которых он «оттянул»⁴ и выглядел, понятное дело, на все 70. Это был сухощавый человек с жутко выразительными глазами. Несмотря на небольшой рост и хрупкое телосложение, он был очень жилист и вынослив, поднимал и носил огромные бревна, чему Эдик искренне удивлялся. У него абсолютно не было зубов и он, разминая деснами сваренный только что чеснок, как-то вечером рассказал свою историю.

– Первый срок по «малолетке» получил, – хрипло начал Валера, жуя чеснок, – потом пошло-поехало, – продолжил он, пытаясь отхаркаться и сплевывая мокротой. – Один раз с черными копателями связался – ну знаешь, которые всякую канитель военную копают и барыгам сдают – штыки там разные и гранаты не разорвавшиеся. Документы и ордена даже попадались.

Валера закурил и продолжал:

– Как-то попросили меня сумку с этим барахлом на продажу чертям одним отвезти. Приехал я на станцию, зашел в будку телефонную позвонить, чтоб подъехали – сумку им скинуть. И тут на тебе – то ли участковый местный, то ли патрульный, х*р их там, мусоров, разберешь. Но один подошел – приглянулся я, нарядный, ему чем-то. Ну, я штык красноармейский вынул и кончил его сразу.

Валера замолчал. Чувствовалось, он был где-то далеко, отматывая свою жизнь назад.

⁴ Пребывал в местах лишения свободы.

– Был у меня товарищ один, – продолжил он, – все правильно по жизни делал. Стоял нормально – дом построил, жена, двое детей. Смотрел я на него и думал: «А зачем живу я – мразота конченная?». И соскочил этот товарищ в 40 лет, отбомбив тут свой отпуск.

Валера опять замолчал и сплюнул.

– А я, – говорит, – три раза бухой в дымину на рельсах засыпал и три раза скорый поезд останавливался.

Было видно, что его мучил этот вопрос «зачем?». Он бы сто раз мог порезать себе вены или спрыгнуть со скалы, но и этого он не сделал. Может быть, он считал, что мы приходим в этот мир однажды, и никто не обещал, что наша жизнь будет халвой. Мы приходим сюда на войну и обязаны пройти весь путь без остатка, показав что-то своим примером, а самоубийца – это дезертир. Жизнь – это отпуск, который мы берем у смерти, может, оно и так, но отпуск этот надо отгулять до конца, а уж чем его насытить, дело каждого. Думал ли он об этом, знал лишь он.

Была уже глубокая ночь. Борух поставил Эдику «марс» в нарды, но по партиям проиграл. Он попрощался и вышел на улицу. Валера не выходил у него из головы. Баклажанов посмотрел на небо и полной грудью вдохнул морозного воздуха. Затем он плюнул, но, видимо, против ветра и испачкал свой брендовый плащ. Не его это было – плевать. Немного расстроившись, он сел в машину и уехал.

Турбокомпрессорный завод

Году в 86-ом в школе настало время летней трудовой практики. Лето тогда выдалось теплым. Борух часто вспоминал то приближение летних каникул, когда к майским праздникам уже растаял снег, всюду светило солнце и в сладостном ожидании чего-то нового он мечтал о будущем, становясь на год взрослее.

Дед Баклажанов по материнской линии был, видимо, еще большим сторонником нестандартных решений, нежели чем его отец. Он был родом из Архангельской области, прошел войну в бомбардировочной авиации, а после нее работал бухгалтером. Это был тихий мужчина невысокого роста, которого многие уважали. Будучи простым человеком из деревни, он нес себя по жизни очень достойно. Он перечитал массу книг, но, как Баклажанов понял потом, книг по педагогике среди них не было. Дед приятельствовал с директором турбокомпрессорного завода, находившегося недалеко от их дома. Как-то в разговоре с ним он подумал, почему бы не привить внуку некие ростки взрослой жизни и вместо полива цветов в школе и уборки территории не придать ему разгона, и включил турбокомпрессор жизни. Каким-то образом он договорился с директором, чтобы Боруха взяли в цех разнорабочим на один летний месяц.

В погожее июньское утро Баклажанов вышел из дома, одетый как на парад. На ногах у него красовались войлочные бабушкины туфли, ветер трепал полы его рабочего халата, который по случаю достала его мать, а на голове красовался отцовский танковый берет. Приодетый семьей по форме, он шел и чувствовал, что должен выполнить какую-то важную миссию, и был не вправе подвести родню. Поступь его была бодрой, он четко чеканил шаг, и лишь войлочные туфли не будили мирно спавших в тот ранний час людей. Он шел в неизвестность, которая пугала его, но он был полон решимости и задора. Он шел, пританцовывая, и никакая сила не могла остановить его. На миг ему показалось, что даже Ленин на Московской площади подмигнул ему. «Показалось!» – подумал Борух и продолжил путь.

На проходной завода он представился и прошел на второй этаж. В приемной его встретила секретарша – дородная добродушная дама, щедро убранная золотом и с начесом, популярным среди директоров универсамов.

– Я Борух Баклажанов! – сказал он.

– Минуточку, я сейчас проверю, – ответила она, сверяя что-то в журнале посещений и поправляя пышную грудь.

– Проходите, Вас ждут! – сказала она наконец.

«Милий Мильевич Кукунов. Директор завода», – значилось на двери кабинета. Борух открыл дверь и вошел.

– Привет, Борух, – улыбнувшись, сказал Кукунов, протягивая ему руку.

Рукопожатие было мягким, чуть не свойственным человеку, руководившему крупной организацией.

– Мы тут с дедом твоим посоветовались, – продолжил он, – и решили тебя к делу приобщить. Будешь разнорабочим в ремонтном цеху.

Это был завод по ремонту грузовых турбокомпрессоров, которые свозились сюда со всех турбокомпрессорных заводов города.

– Будешь разгружать турбокомпрессоры с помощью стационарного крана и по канатной дороге транспортировать их в угол цеха. Потом уже рабочие будут ими поэтапно заниматься.

Баклажанов пытался уловить последовательность действий, впервые столкнувшись с таким количеством новых, доселе неизвестных ему слов, но его переполняла гордость за то, что такой человек общается с ним на равных и доверяет ему очень важное, как ему казалось, дело. Кукунов же просматривал какие-то бумаги, одновременно общаясь с ним.

– Сейчас у меня тут совещание будет, – сказал Милий Мильевич, – так что, давай, я тебя быстро в цех отведу, с бригадиром познакомлю – он тебя в курс дела введет сам уже.

Было видно, что Кукунов торопится, поскольку в мыслях был весь в совещании. Завод начинал принимать на ремонт турбокомпрессоры из Японии по линии какого-то военного ведомства, но Борух тогда в эти вопросы не вникал.

Внезапно в дверь постучали.

– Войдите, – сказал Кукунов, не отрываясь от бумаг.

Дверь открылась, и вошел человек. Это был розовощекий юноша, которому на тот момент, как Баклажанову показалось, было немного за 20 лет. Он был улыбчив, и в глазах его играл юношеский задор. Легкая неуклюжесть и немного несурзные очки его ничуть не портили, а даже придавали какой-то харизмы.

– Доброе утро, Милий Мильевич, – дружелюбно сказал он.

– Привет! – как-то по-отечески ответил Кукунов, встав из-за стола и протянув ему руку.

– Вот проходил тут недалеко, решил заглянуть, – сказал юноша.

Это был ассистент редактора популярного в то время литературного альманаха «Добрые люди» Аль Монахов. Баклажанову сразу показалось, что Аль Монахов определенно был человеком интересной и сложной судьбы. Его родители уехали из страны во время второй волны эмиграции и волею судеб оказались в Италии, где он и родился. Отец Монахова решил назвать его так, чтобы ребенку было легче освоиться в детском коллективе и в дальнейшем не испытывать проблем в социуме. Уже потом, вернувшись в СССР, он стал Аликом Васильевичем Монаховым, дабы не испытывать проблем в оном же. По совместительству Алик вел колонку в кулинарном журнале «Выстрел в желудок», но это он делал для души, ибо, являясь поклонником философии Флоренского, там в основном размышлял, как приготовить изысканные блюда из того, чего в то время в Советском Союзе в помине не было.

Монахов и Кукунов познакомились на культовых вечерах в Политехническом музее, куда ездили пробовать свой поэтический дар в рамках «свободного микрофона». Это соперничество физика и лирика перешло со временем в дружбу, продолжившуюся долгие годы. Баклажанов тогда еще не знал, что эта мимолетная встреча с Монаховым окажется судьбоносной и свяжет их теплыми товарищескими отношениями на долгие годы.

– Алик, подожди меня немного тут в кабинете, я Боруха в цех отведу, с рабочими познакомлю. Потом вернусь, поговорим, – сказал Кукунов и повел Баклажанова в цех.

Несмотря на ранний час, цех уже бурлил. Турбокомпрессоры привозили один за другим, и рабочие сразу начинали ими заниматься, общаясь на неизвестном в ту пору Баклажанову наречии.

– Это Лукич, будешь у него в подчинении, – сказал Милий Мильевич, подведя Баклажанова к начальнику цеха.

Лукич был сухим и жилистым мужчиной немного за 30 лет. Волосы его уже понемногу начали редеть, но это его ничуть не портило, а придавало большей мужественности. Одет он был в военную форму без знаков отличия, в которой, видимо, и пришел из армии, а голенища кирзовых сапог были отвернуты вниз по моде того времени.

– Здрав будь, Борух! – задорно поприветствовал его Лукич, но руки не подал, ибо только что разобрал очередной турбокомпрессор.

– Сейчас пока просто походи за мной, – продолжил он, – присмотришь, что да как, а ближе к обеду очередная партия турбокомпрессоров на подходе будет – там и посмотрим, как тебя подключить.

Баклажанов начал гулять по цеху. Все для него было ново. Он как слепой котенок ходил и обнюхивал все вокруг, стараясь понять происходящее и влиться в новое для него дело. Через некоторое время он набрел на рабочую каптерку, где в состоянии апофеоза после вчерашнего бурного мероприятия дремал один из тружеников. Он по-хозяйски развалился на деревянной

скамье и, скорее всего, был человеком горизонтальным, но Баклажанов это понял уже потом. Услышав шаги, рабочий сразу проснулся и вскочил, ибо сон его был краток и тревожен по понятным причинам. Вечером Борух увидел его на Доске почета на проходной и понял, что эта была лишь мимолетная блажь, которую тот позволил себе. Баклажанов бы с удовольствием поделился с ним то состояние, но тогда ему было рано – до полудня он не пил.

Внезапно к открытым воротам цеха подъехала белая «Волга» Кукунова, видимо, уже расставшегося с Монаховым. Пассажирская дверь открылась, Милий Мильевич вышел и деловито направился Баклажанову, вновь подав ему руку.

– Привет еще раз, Борух! – сказал он. – Ну как, освоился? Познакомился с людьми?

– Да, Милий Мильевич, – ответил Баклажанов, – сейчас Лукич подойдет, объяснит все, пока осматриваюсь.

– Ну, ладно, я на совещание, а ты тут не робей, выше нос! – сказал Кукунов, словно отчитавшись перед ним, пошел обратно к машине, сел и уехал.

С тех пор прошло много лет, но Борух часто вспоминал ту немую сцену и звенящую тишину, которая воцарилась в цеху после отъезда директора. Был слышен лишь полет голубя, важно севшего на остановившийся тестируемый турбокомпрессор. Голубю было все равно.

– Ты кто? – спросили хором рабочие.

– Я Борух Баклажанов! – ответил он, понимая, что начинает зарабатывать авторитет.

Близился обеденный перерыв, но новую партию турбокомпрессоров так и не привезли.

– Борух, пойдем погуляем во время обеда лучше, поговорим, – сказал подошедший Лукич.

Было видно, что Баклажанов его чем-то зацепил. Эти обеденные прогулки и разговоры с Лукичем в итоге стали традиционными. Тот объяснял ему все нехитрые премудрости работы в цеху и обучал основам каратэ, которым он, видимо, занимался в одном из родов войск. Тогда Баклажанов четко усвоил основной принцип, что цель должна быть за точкой удара. Это и являлось одним из столпов «Бусидо» – жизненного пути, пути воина.

Этапы большого пути. У каждого свои

С детства Баклажанов испытывал какую-то необъяснимую тягу ко всему, что находится в движении. Его интересовали самокаты и велосипеды любых видов: словом, все то, на чем можно куда-то ехать. Он любил прокатиться до Пулковских высот, останавливаясь и наблюдая за пролетающими мимо машинами и задумываясь о судьбе людей, сидевших в них. Куда они ехали? Зачем? Но, постояв немного, он продолжал ехать опять, словно в погоню за ними, что-то доказывая самому себе. Он ехал и останавливался и ехал опять. Ехал он не спеша, и ему тогда казалось, что это были какие-то этапы – этапы большого пути.

Как-то в процессе своей деятельности Борух имел счастье познакомиться с одним управдомом с большой буквы «У». Это была спокойная и уравновешенная женщина, все было при ней: памятью об Ильфе и Петрове, «и арбузные груди, и мощный затылок». Если бы Баклажанов был сиротой, он бы почел за честь, чтобы она его усыновила. Они беседовали на разные темы, в том числе о жизни и о судьбе, и в его глазах она была просто матерью Терезой, хотя Борух никогда никому не говорил больше, чем положено. И в один прекрасный день она просто исчезла, и появился другой управдом, у которого Баклажанов поинтересовался о судьбе предшественницы.

Тут, справедливости и сюжета ради, необходимо наградить легким экскурсом одногруппника Баклажанова, весьма тонкого индивида, ибо он достоин. В университетские годы это был стройный юноша с заразительной улыбкой. Иван Штакетов был памятен Боруху многими вещами. Он никогда не верил, что Баклажанов поступил на филологический факультет самостоятельно, а в их общих размышлениях над смыслом обучения там, как такового, любил говорить, что если поднести к уху морскую ракушку – то можно услышать шум моря, а если же приложить диплом филолога – то можно услышать пятилетний звон стаканов. Говорил он это обычно с лицом умудренного жизнью старика, и Баклажанову иногда казалось, что тот параллельно тайно учился на факультете философском.

Как-то на лекции по готскому языку, когда преподаватель предложила почитать по-готски, он поднял на нее глаза и выдал все с тем же выражением лица: «Зачем читать, когда я уже просто думаю по-готски», – после чего был с позором выдворен из аудитории.

Штакетов всегда пытался сдавать экзамены и зачеты на день вперед с другими группами, дабы в случае фиаско иметь возможность повторной сдачи со своей. И вот в один прекрасный день Ваня, как фаталист от Бога, пытался сдать на день раньше. Надо сказать, что список литературы, задаваемый на семестр, не давал возможности ни на секунду оторваться на сон и гулянья, посему они часто всей учебной группой лежали на газоне Университетской набережной напротив филфака, пересказывая друг другу, кто что прочитал, чтобы на экзамене иметь чуть больше шансов. Штакетову же тогда пересказывать было особо нечего – он прочел лишь «Мелкого беса» Федора Сологуба. В день экзамена параллельной группы, открыв дверь с ноги в аудиторию, он подошел к преподавателю и попросил о сдаче на день вперед.

– Юноша, к чему эта спешка? Вы можете сдать экзамен завтра со своей группой – идите и подготовьтесь получше, – сказал умудренный опытом профессор, ясно понимая в своем возрасте, что спешить не надо.

Борис Аверин вообще никогда и никуда не спешил. По факультету он всегда ходил нога за ногу, равно как и неторопливо говорил. В своей невозмутимости его с легкостью можно было принять за итальянского дона, выкатывавшего направо и налево смертные приговоры, если бы не озорные глаза и легкая лопухость, а главное, исключительно мягкая ирония, присущая лишь людям глубоким и чистым.

– Вы же наверняка «Мелкого беса» не читали, – улыбнувшись, добавил тогда он, сталкиваясь с подобным пылким нахрапом не впервые.

– Читал! – выпалил Иван и сдал экзамен.

Баклажанов со Штакетовым прошли совместно довольно долгий путь. Они были во многом схожи, и им всегда было о чем поговорить. Рассуждали они о разных вещах, споря иногда до хрипоты, и Иван частенько резюмировал все своим фирменным «это все этапы большого пути». Думал ли он в том возрасте о смысле этой фразы или просто, услышав ее где-то, повторял, но Боруху она запомнилась на долгие годы. Он обдумывал ее, проигрывая в голове на разные лады, и поэтапно начинал понимать – понимать не спеша.

Ну, так вернемся к управдому и ее исчезновению. Как-то Баклажанов пересекся с новым управдомом, и та поведала ему, что предшественница была этапирована в Хабаровск. Эта новость никак не вязалась с ее образом, сложившимся у Баклажанова. Он слабо себе представлял, как этой женщине удавалось жить, абсолютно не скрываясь, и с официальным паспортом занимать не последнюю муниципальную должность, одновременно проходя участником по довольно шумевшему делу на другом конце страны.

Необъятная у нас страна, но вся как на ладони в федеральных кабинетах, а жизнь наша – это этапы большого пути, просто у каждого они свои.

О спешке и счастье, или К счастью не спеша

– Разве мало я видел таких молодцов, которых повесили сушиться на солнышке? – воскликнул Сильвер.

– А почему? А все потому, что спешили, спешили, спешили...

Р. Л. Стивенсон
«Остров сокровищ»

*«Не спеши – и все сбудется,
И вот – сбылось! Я не спешу!»*

М. М. Жванецкий

Время шло, и Баклажанов становился взрослее, пересаживаясь с велосипедов на машины, как бы перетекая в новый жизненный этап. Уже учась на филологическом факультете, его распирала какая-то в то время мальчишеская гордость от того, что его «баварец» был единственным на тот момент автомобилем, припаркованным на Университетской набережной у входа в вуз.

Как-то году в 96-ом он шел на ней по Эрмитажной набережной по направлению к Литейному мосту. Надо сказать, что с данным авто он хлебнул немало жизненного попойки. Взять хотя бы случай, когда Борух морозной ночью вышел из бильярдного клуба «Неон», который тогда находился в здании ДК «Первой пятилетки», на месте которого уже давно красуется новая сцена Мариинского театра.

Бильярд он любил по многим причинам, но в основном эта игра учила контролировать эмоции. В русский бильярд он играл хорошо и часто специально приезжал по ночам играть с «каталами», называя это «платными консультациями». Эту схему он использовал и в дальнейшей жизни во многих областях, учась у людей, ибо все мы друг другу учителя, чтобы в итоге каждый стал сам себе академиком. Баклажанов делал умеренные ставки, сам оплачивая «свет». Он внимательно изучал манеры этих профессионалов, старался перенять их поведение, невозмутимость взгляда при любых обстоятельствах и те звонкие щелчки пальцев в случае, если сложный удар удался. Борух больше любил «Московские» партии, нежели чем «Американки», а как показала история, даже московские партии зачастую брали начало в Питере. Они являлись на бильярдном столе этапами большого пути в миниатюре. Партии эти требовали не только техники исполнения, но и стратегической и тактической мысли, применимой и в жизни, что Баклажанов с жадной и набирал. Спустя годы он понимал, что они вбирали в себя то необходимое из древнекитайского военного трактата «36 стратагем», исходившего из работы Сунь Цзы «Искусство войны». И он учился, работая над собой.

И вот выходя как-то морозной ночью из «Неона», Боруху сразу что-то не понравилось, а именно то, что свет от ночных фонарей бликовал ото всех стекол кроме лобового. Ничего удивительного – лобового стекла просто не было, а уплотнительная резинка была бережно и с любовью положена на капот. Шевелюра в то время у Баклажанова была густая, и ехал он домой с волосами назад и с замерзшими соплями, свисавшими до пупа.

Так вернемся на Эрмитажную набережную. Подходя к Литейному мосту, Борух был обескуражен даже поболее того сотрудника внутренних органов, который остановил на улице двух пьяных людей с целью проверки их документов. Открывая паспорта, он, проходя, спросил, где они работают, на что получил ответ, что они сотрудники крематория. Затем, увидев фамилии Головешко и Погорельцев, он сразу вернул им документы и, перекрестившись, отпустил от греха подальше. Из-под Литейного моста навстречу Баклажанову вышла первая в городе «Ламборджини Диаболо». Человек ехал вальяжно со скоростью 30 км/ч. Он собрал за собой такой хвост, что было трудно представить, но никто не осмелился посигналить ему. Борух даже

вытянулся из-за руля, чтобы посмотреть, не сам ли Берлускони это был. Человек не спешил, видимо, потому, что всюду успел. Он ехал в удовольствие, завершая какой-то жизненный этап, но в мыслях о следующем все равно находился в дороге.

Дорогами мы идем к нашим чаяниям. Они извилисты, полны поворотов и встреч, успехов и разочарований, а главное, надежд. Из них слагаются этапы, формируя нас, словно товарный состав на сортировке, который на заре непременно двинется дальше. Так ли нужны были Бендеру деньги? Скорее уютнее ему было в старых лаковых штиблетах на босу ногу и в шерстяном шарфе, когда он выменивал стул на чайное ситечко или гулял ночью у моря с Зосей Синицкой. Заполучив искомое, он все чаще, одолеваемый скукой, оглядывался назад, словно в поисках чего-то. Это «что-то» искали и признанные творцы, уже давно одаренные славой, но раз за разом возвращаясь к местам, где они создавали. Это и было счастьем. Потому что счастье в пути.

Время бежало дальше. Были и занятия спортом, и учеба в спортивном классе, но судьба привела Баклажанова опять в ту же родную школу. Он потерял в ней год обучения, и наверстать упущенное было сложно, но 1 сентября он шел на «линейку» как и тогда на турбокомпрессорный завод, в ту же неизвестность, пританцовывая вновь.

– Я по-прежнему ваш класный руководитель и преподаватель английского языка, как и год назад, – сказала учительница. – И меня все так же зовут Нонна Григорьевна Ктова, – добавила она, просматривая журнал класса и, увидев новую фамилию, подняла глаза.

Она искала этого человека среди знакомых ей лиц и остановилась на Борухе.

– Я вижу, у нас новенький. Кто Вы? – спросила Ктова.

– Я Борух Баклажанов! – ответил он.

– Баклажанов, Вы понимаете, что Вы пропустили год обучения? Вы не догоните нас, – тоном, не терпящим возражения, сказала она.

Борух посмотрел на нее и промолчал.

Это была стройная женщина со стальным характером, никогда не терявшая лица. Держалась она всегда достойно и была полна энергии. Их теплые отношения сохранились на долгие годы, и Баклажанов никогда не мог припомнить ее без макияжа или удрученной чем-то. Она всегда была для него примером, придавая ему сил в формировании себя.

Дача как инструмент для выработки стержня и немного о верандных рамах

Ближе к 90-м годам положение в стране было не из легких. Это было в пору раздачи земельных участков под садоводства, дабы честные советские труженики не положили зубы на полку, а смогли прокормить себя в тот тяжелый для страны час. Борис Борисович Баклажанов не был исключением и тоже, как человек чрезмерно увлекающийся, нырнул в этот омут, видимо, не зная дна. Дачу свою он любил до безумия, скорее даже боготворил ее, и она отвечала ему взаимностью. Годы спустя, уже имея 3-и высших образования и ученую степень, он никак не мог определиться, что же из того ему больше пригодились в поднавоживании смородины. Процессу этому он отдавался без остатка и испытывал к нему какую-то нездоровую страсть, даже немного завидуя соседу, который в поднавоживании был куда мастеровитее. Оно и не удивительно – тот уже давно был член-корром.

В тот конкретный момент после получения земельного участка все эти садоводческие хлопоты были на стадии постройки веранды дачного дома, и надо было довести верандные рамы из города до места назначения. Баклажанов-старший, всегда уважавший спартанский образ жизни, никогда не баловал себя излишествами. Собственного автомобиля у него не было, а заказывать грузовой транспорт или использовать среднестатистическую тележку он считал признаком слабости, не достойным мужчины, поэтому решил нести 8 остекленных верандных рам на собственном горбу. Будучи все-таки человеком разумным, он понял, что такое количество в одно лицо ему не дотащить, посему вспомнил про наследника.

Лютой зимой 87-го года, прибыв на электричке на дачную станцию, отец поочередно спустил 8 верандных рам с платформы, и они приготовились их нести полтора километра по зимней дороге. У остекленных рам было специально оставлено по одной пустой секции, чтобы повесить их на плечи. Отец повесил Боруху по две рамы на каждое плечо и отправил с миром вперед. Надо сказать, что, ощутив на себе эту поклажу, Баклажанов сразу почувствовал недоброе, уйдя по колени в землю и мысленно представив полуторакилометровый вояж. Но отец никогда особо не потел по поводу его возраста и телосложения – и они пошли.

Шел Борух тяжело. Он уже не пританцовывал. После километра пути по снежной дороге он начал постепенно видеть перед собой длинный и светлый тоннель и на всякий случай остановился, поставил рамы домиком и перекрестился. Пот катился с него градом, заливая глаза, а футболка, надетая под дачный бушлат, начала вставать колом.

Тем временем Борис Борисович уже добрался со своей порцией рам до участка и, не обнаружив сына рядом, видимо, несколько удивился и пошел ему навстречу. Подойдя к нему, он немного постоял, вдохнув морозного воздуха, и спросил:

– Как успехи?

– А сам-то как думаешь? – ответил Борух, приподняв глаза и ясно понимая, что головокружения от успехов не было.

Старший постоял еще немного и, прищурившись, сказал:

– Что-то, я смотрю, слабоват ты, сынок. Ладно, так и быть, помогу по-родственному, чай, не чужие люди!

Надежда на миг вдруг затеплилась в Баклажанове, и он уже готов был выдохнуть с облегчением, но теплилась она недолго. Отец издевательски подмигнул, затем взял одну верандную раму и удалился, насвистывая какую-то знакомую мелодию.

– Вроде, из «Джентльменов удачи», – подумал Борух, глядя на удалявшегося старшего.

Затем он поправил бушлат и, взвалив на себя остатки рам, отправился ему вслед.

Дача постепенно строилась. Для Боруха она была каким-то негласным тренажером для закалки характера, таким тренажером поневоле. Он вспоминал ту бетонную садовую дорожку

вокруг дома, которую отец поручил ему залить, дав в помощь молодого паренька, назвав его «младшим научным сотрудником» и сказав, что в случае точечного ядерного удара дорожка должна остаться. Правда, после этой брошенной вскользь фразы он уехал в город по делам, но это уже была частность, которая к общему делу не имела ни малейшего отношения. Были и опилки с лесопилки, которые они с отцом возили для просыпки между садовых грядок с упорством, достойным иного применения, и многое другое. Баклажанов делал то, что должно, и понимал, что он человек своего времени. Оно в первую очередь формирует личность. Время – это суровая единица, с которой уже ничего не сделать, но есть люди, которые вне его. Своим примером они меняли времена, ломая их. Это люди разных эпох, статусов и ремесел, и Борух старался брать от них лучшее, применяя к себе в поисках ответа на мучительный личный вопрос «кто ты?».

С тех пор прошло много лет, и садовый домик заметно обветшал, напоминая старого пса, прихрамывающего на одну лапу; родились люди и уже давно создали свои семьи, и нет той страны, в которой это происходило, но Борух, как и прежде, всегда испытывал некоторое внутреннее напряжение, когда старший обращался к нему с просьбой посодействовать ему в чем-то на даче. Потому как всякое бывает.

«Сапог сапогом»⁵

Постепенно пришло время последних двух лет обучения. В тот период были популярны поездки советских школьников за рубеж с проживанием там в семьях. В свою же очередь иностранные учащиеся по обмену приезжали в СССР по той же нехитрой схеме. Это был какой-то ветер перемен, который несла тогдашняя «Перестройка», но Баклажанов тогда еще не знал, в какой ураганный шторм это все перейдет. Первая группа должна была ехать за океан, но Боруху в нее попасть не случилось. Во-первых, ему не довелось стать комсомольцем из-за сломанного в драке носа другому учащемуся, что было уже во-вторых. В итоге, получив привод в милицию, с заокеанским вояжем он остался с носом.

Следующая группа набиралась в Италию. В нее попали тоже далеко не все, в частности один из его одноклассников. Это был вольнодумец, любивший почудить. Как-то раз во время генеральной уборки этажа ему стало скучно. Скука – это вообще состояние души, рождающее ее внезапные и порой нестандартные порывы. Пока остальные занимались трудотерапией, он ходил из угла в угол, не зная, куда себя деть. Затем он подошел к бюсту Ленина, стоявшему в холле, и надел ему на голову половую тряпку, свив из нее тюрбан. Баклажанов посмотрел на бюст, и ему вновь показалось, что Ильич подмигнул ему. «Что-то часто мне кажется», – подумал тогда он, краем глаза увидев, что подходит школьный военрук – член КПСС с 1953 года. «Ребята, срочно снимите тряпку с головы вождя!» – негодуя, сказал он. Перечить учителям было не в правилах, и вольнодумец сразу сделал, что было велено, со свежими силами влившись в трудовой процесс.

Себе он был верен, и подобное легкое обращение с гегемонами продолжил и впредь. Все прекрасно помнили, как в выпускном классе он, раздобыв где-то форму Сталина, пришел в ней в школу. Он важно прохаживался по коридорам, держа в руках трубку и поскрипывая яловыми сапогами. Из образа его смог вывести лишь учитель математики, который не пустил его в класс из-за отсутствия сменной обуви.

Не попал в группу и Руслан Родин, который вечно неожиданно срывался куда-то при крике «Родина мать зовет», и многие другие. Борух же в «итальянскую» группу попал. Он прекрасно помнил, как итальянские ребята приехали к ним в школу поздней ночью весной 90-го года. Это были ученики одного из статусных римских лицеев, и надо было сразу выбрать себе одного из них. Баклажанов уже тогда всю присматривался к противоположному полу, но, в силу понятных причин, выбор должен был быть сделан в пользу пола своего. Все это напоминало древний восточный базар по торговле людьми, однако, преодолев понятный конфуз, в итоге Борух свой выбор сделал.

Симоне Гантелли был из семьи одного из ведущих реставраторов Ватикана. Это был стройный крепкий брюнет на пару лет старше Боруха, занимавшийся неведомым в то время ему видом спорта под названием «бодибилдинг».

«Встретить гостя из капстраны необходимо на высоком уровне!» – заявил Борис Борисович на семейном кухонном совете в преддверии прибытия итальянца. Было видно, что он заметно нервничает под давлением ответственности за грядущее событие. Он ходил по квартире, что-то постоянно бубня себе под нос, видимо, размышляя над высотой заявленной планки. Затем, определившись, он вошел обратно на кухню и, подняв вверх указательный палец, многозначительно произнес: «На высочайшем!!!».

Чтобы не упасть в грязь лицом, Баклажановы сделали практически невозможное. Они даже завесили дыры от обвалившейся на кухне штукатурки картиной, взятой у соседа. Копия это была или подлинник, Борух тогда не знал, но практическое применение ей было найдено.

⁵ Мнение одного из героев об Италии, к/ф «Формула любви», 1984 г., киностудия «Мосфильм».

Баклажанов выделил Симоне свою комнату, но поскольку санузел в квартире был все равно один, гость каждый раз вкрадчиво спрашивал, можно ли ему его посетить.

Руководством школы была организована насыщенная культурная программа с посещением музеев и театров, во время которой Гантелли умудрился простудиться и серьезно заболеть, поскольку не привык к суровому климату Северной столицы. Он пролежал дома два дня с высокой температурой, но Баклажановы поставили его на ноги, постоянно заставляя его дышать над кипятком, в который они выдавливали чеснок, тем самым еще тогда запустив за рубеж слухок о магических силах отечественной медицины.

Они ясно понимали, что должны были представить страну достойно. Мать Баклажанова, будучи постоянной читательницей того самого культового журнала «Выстрел в желудок», колонку в котором вел Аль Монахов, каждый день баловала гостя новыми блюдами. Это были и «Омары по-кремлевски», и «Эрмитажное рагу», и особенно полюбившийся Симоне «Стейк Петра и Павла» под кленовым сиропом. Гантелли ел с удовольствием, запивая все компотом из винограда с правого берега Колымы, каждый раз все больше и больше нахваливая кулинарный дар хозяйки.

Под конец пребывания он просто не хотел уезжать, впечатленный тем изобилием в стране. Уже приехав в Италию, он обнаружил у себя электронную игру «Волк, ловящий яйца», тайно положенную ему в чемодан, и понял, что даже в техническом отношении Союз не отставал.

К ответному визиту за рубеж Баклажанов готовился еще более усиленно. Все члены семьи понимали, что уронить престиж страны за ее пределами они тем более не могли. Все было продумано до мелочей, особенно гардероб. Вишней на торте были индийские джинсы-«варенки» с несколько неправильным кроем и характерным заломом чуть ниже поясного ремня, которые в значительной мере приподнимали его престиж среди женской половины страны пребывания, так что пускать пыль в глаза противоположному полу он начал уже тогда. Собирали Боруха всей семьей, нервно пакуя сувениры. Это были и павловопосадские платки для матери Гантелли, и различная кухонная утварь, и те популярные в то время «командирские» часы для Симоне, которые Баклажанов-старший умудрился где-то раздобыть. Не влезала лишь статуэтка «Медного всадника», но усилием воли и лошадь удалось упаковать.

В самолете Борух с интересом наблюдал за пассажирами – элегантно одетыми людьми, которые в ту пору казались ему какими-то небожителями. Он летел, как всегда, в ту же неизвестность, но полным надежд и уверенности, что все получится.

Поздней весной 90-го года Борух Баклажанов прибыл в Рим. После советского Ленинграда он попал в какое-то иное измерение, с интересом наблюдая, что происходило вокруг. Это были неведомые для него люди, красивые автомобили и здания, находившиеся в новой для него жизненной круговерти. Все было ему незнакомо и абсолютно непонятно и, казалось, что в свое время Нил Армстронг с большей уверенностью вышел на Луну. Шоковая терапия – вот с чем столкнулся Борух в очередной раз и с чем не единожды сталкивался в дальнейшем.

Баклажанов вспоминал, как спустя многие годы он стал свидетелем и зрителем питерского марафона «Белые ночи». Сам он лично никогда не понимал, в чем было удовольствие от бега на длинные дистанции, поскольку в то время был лишь классным спринтером до ликероводочного отдела магазина. Погода в то раннее воскресное утро шептала, атмосфера была праздничная, а музыканты рвали струны, продавая талант. Зрители же подбадривали пробежавших спортсменов аплодисментами и плакатами. Отовсюду навстречу бегущим то и дело появлялись «Наслаждайся, страдать будешь завтра», «Куда бегут все красавцы?» и многие другие подобного ироничного толка. Борух с удовольствием за всем этим наблюдал и в какой-то момент обратил внимание на озорную девчущку, которая свой плакат показывать не торопилась. Она выжидала, пока пробегут лидирующие группы и на горизонте появятся «любители», т. е. бюджетники, студенты и пенсионеры – в общем, все те, кому этим ранним утром

было нечего делать, кроме как трясти собственным салом по Адмиралтейской набережной. Она пристально высматривала в толпе бегущих тех, за кем уже практически бежала «косматая с косой», и кто уже поскальзывался на собственных соплях, не в силах бежать дальше. Затем, заметив очередную жертву, она разворачивала перед ней свой плакат, содержание которого было все рекорды цинизма в приложении к тому моменту, а именно «Моя бабушка бегает быстрее!». В тот миг что-то определенно происходило внутри тех людей, которые в мгновение ока находили в себе какие-то скрытые силы, заставлявшие их двигаться дальше, собрав воедино остатки воли.

«Каждый человек способен на многое, но, к сожалению, не каждый знает, на что он способен»⁶. Любой знает эту фразу из известного советского фильма, а кто не знает, в примечаниях посмотрит. Шоковая терапия – великий инструмент. Он ключ, приоткрывающий дверь в кладовую людских возможностей, которые так и пролежали бы там в пыли времени и забвения, не найдя выхода наружу, и он же спасательный круг для человека, припертого жизнью к стене.

Примерно об этом Баклажанов как-то беседовал со своим давнишним приятелем, разговорившись с ним о боксе. За пару дней до разговора Борух услышал по телевизору, как один аналитик записал Роя Джонса в тройку величайших боксеров 20-го века, и Баклажанову показалось, что тот просто позабыл некоторые имена. Феномен Али, разумеется, был бесспорен, но на пьедестале оставались еще два места. Они вдруг заспорили, вспоминая два боя прошлого столетия, а именно, «Триллер а Маниле» между Али и Фрейзером и бойню в Киншасе и противостояние первого с Джорджем Форманом. Эти два великих события являлись ярким примером действия шоковой терапии на личность, коей и являлись все трое.

1 октября 1975 года на Филиппинах сошлись два величайших боксера того времени, у которых был друг к другу ряд вопросов. Али всегда любил почудить и побеседовать с соперником во время боя – такой уж он был человек.

– Мне говорили, что ты уже не тот, Джо? – спросил он у Фрейзера, буквально вынимая из него душу серией ударов, которые просто невозможно было вынести простому смертному.

– Они обманули тебя, чемпион, они обманули! – ответил Фрейзер, снеся ему голову ответным хуком и показав, что шоковой терапии он был не подвластен.

Неизвестно, чем закончился бы бой в виду определенных обстоятельств в его концовке, но результат его известен. Уже спустя многие годы эти два профессионала признавали величие друг друга, и Али назвал Фрейзера вторым боксером в истории, ну, разумеется, после себя самого.

За год же до этого 30 октября 1974 года состоялся тот самый «Грохот в джунглях» в столице тогдашнего Заира. Али уже тогда любил поговорить во время боя и все также вел диалог. На тот момент Форман был в значительно лучшей форме, осыпая противника градом тяжелейших ударов, и в какой-то момент всем показалось, что Али просто перестал дышать. Затем он поднял глаза на Формана и спросил: «И это все, на что ты способен?». У Формана во всех смыслах опустились руки, и результат того боя тоже известен. «Я видел бой Джорджа Формана с тенью, – вспоминал Али, – и тень выиграла».

Баклажанов часто обдумывал эти два ярчайших события не только в мире спорта, но и в мировой истории, и понимал, что бокс не только остановился – он катился назад. Неизвестно, как сложилась бы его история в 20-м веке, родись Рокки Марчиано чуть позже. Этот «качающийся маятник» был немногословен, но зато деловит. И головы летели. Из 49 боев в своей карьере он выиграл все, и лишь шестерым соперникам удалось покинуть ринг на своих ногах, так что вопрос о мировом пьедестале 20-го века, наверное, никогда не будет закрыт.

⁶ Фраза из к/ф «Бриллиантовая рука», 1968 г., киностудия «Мосфильм». Реж. Л. Гайдай.

* * *

Ну, так вернемся на родину предков Рокки. Руководство римского лицея также сделало все возможное, чтобы визит советских школьников им понравился. Посещение музеев органично сочеталось с визитами в различные государственные учреждения. Ребятам даже возили на центральный итальянский телеканал, где работал ведущим отец одной из учащихся лицея и где визиту советской группы был посвящен целый эфир. Было и посещение итальянского парламента. Школьникам рассказывали о политической системе Италии, о расстановке и балансе сил, в чем Борух тогда мало разбирался, но был безумно горд от того, что, как ему казалось, являлся частью чего-то важного.

Погода в тот день выдалась солнечной, даже жаркой. Уже выйдя из здания парламента, Баклажанов и Гантелли стали ждать остальных. Симоне закурил и задумался. Недалеко от входа в парламента Борух вдруг увидел припаркованный красивый спортивный автомобиль, который не видел даже в журналах.

– Что это за машина? – спросил Борух у Симоне.

– Это «Ламборджини Диаболо», – ответил тот, затянувшись.

– Дорогая, наверное? – не унимался Баклажанов, продолжая буравить машину глазами.

– Недешевая, – лениво ответил Симоне, выпустив очередной клуб дыма.

– Вот ты куришь, Гантелли, а не курил бы ты – смог бы такую же купить, – как-то академично сказал Борух Симоне, который думал о чем-то своем.

Тем временем из здания парламента вышел харизматичный брюнет. Это был невысокого роста мужчина с ослепительной улыбкой. Он не был красавцем, но обладал чем-то притягательным, чего Баклажанов тогда понять не мог. «Явно женщинам нравится», – подумал тогда Борух.

Брюнет подошел к ним.

– Привет, Симоне, – сказал он, протягивая тому руку, – как дела?

– Да вот, только экскурсия закончилась, автобус ждем, – ответил Гантелли, протянув руку в ответ.

– Кто это с тобой? – спросил мужчина, глядя на Боруха и, в свою очередь, протягивая руку ему.

– Я Борух Баклажанов! – сказал тот, ответив на рукопожатие.

Что-то было магнетически дьявольским в рукопожатии того брюнета, как и он сам. Он весь излучал артистизм, что невероятно манило и что Баклажанов часто вспоминал.

– Как дела, Борух? Понравилась экскурсия? – спросил он.

– На уровне, – ответил Баклажанов.

– Ну ладно, ребята, мне пора, – сказал брюнет и закурил.

Затем он подошел к той самой машине и, сев в нее, со зверским рыком скрылся за поворотом. Тут уже задумался Баклажанов и обдумывал это долгие годы спустя. Что было в том человеке такого, чего были лишены многие другие? Что это было? Это было «что-то», не поддающееся никакой логике и общепринятым законам, то, чего нельзя объяснить. Люди, обладающие этим магическим «что-то» и являются лидерами, способными двинуть локомотив вперед, и задача умных разглядеть этих «двинутых» и беречь их, ибо лишь они способны дать тот толчок и вывести все из статики в движение.

Баклажанов с Гантелли сели в подъехавший автобус, и экскурсия продолжилась. Они поехали дальше по улицам и проспектам. За 8 дней визита школьники успели побывать и в пригородах Рима, и во Флоренции. Была экскурсия и в Ватикан, но там уже Баклажанов никого не встретил.

Что касается условий жилищных, то Боруху выделили целый этаж дома с огромным балконом, куда он любил выходить, любясь окрестностями и потягивая в ту пору неизвестный ему сладкий газированный прохладительный напиток, употребив его в итоге столько, что уже более никогда не употреблял. Да, и у него был личный санузел, разрешения посетить который он ни у кого не спрашивал. Он любил поваляться на диване в халате с видом османского падишаха, переключая телеканалы и часто смотря матчи итальянской серии «А» и ее финал 90-го года. Ему немного не хватило времени, чтобы посмотреть открытие и первые матчи чемпионата мира, ибо в это время он уже был на родине.

Пришло время отъезда и время подарков. Боже, что это были за подарки! Это был двухкассетный магнитофон с набором аудиозаписей, среди которых были и альбомы полюбившейся ему впоследствии группы “Dire Straits”. Подобный магнитофон в ту пору был только у председателя Ленинградского горисполкома. Одному учащемуся подарили даже некий видеоманитофон, но он был, как шепнули позже Баклажанову, лишь у кого-то в Кремле. Вишней на торте были кроссовки известной заокеанской фирмы, которые по тем временам в тревожных ленинградских районах отпиливали вместе с ногами. Ходили слухи, что на подкупе такими кроссовками был взят с поличным один из сотрудников Внешней разведки, но правда это была или нет, Баклажанов выяснить не мог по понятным причинам.

Борух принимал подарки с достоинством, пытаясь не уронить лица советского школьника и изо всех сил давая в себе алчность, которая в тот момент так и лезла наружу. Апогеем этого аттракциона неслыханной щедрости с итальянской стороны явилась бейсбольная кепка. Баклажанов хранил ее долгие годы, надевая лишь куда-то по случаю. Эта кепка в дальнейшем была старше многих женщин, с которыми он встречался, но, надевая ее, он вновь переносился туда, в то интересное и наполненное событиями время. Она была для него как тот культовый тертый портфель для Жванецкого, полный его мыслей и рукописей, которыми он влюбил в себя не одно поколение. Та кепка сохраняла Боруху озорство юности и заставляла улыбаться. Надо сказать, что и у его отца был один предмет, с которым он почти никогда не расставался. Буквально пару слов о нем для истории.

Человек с дипломатом и «похороны» Грудича

«Дипломат» есть слово многозначное. По своей сути оно даже может поспорить с самим словом «слово», которое «может убить, может спасти, может полки за собой повести»⁷. Недаром слово «дипломат» произошло от более краткого слова «диплом», потому как чтобы быть дипломатом – надо иметь диплом – диплом официальный, а лучше диплом «по жизни», ибо официальным дипломом по жизни не всегда надаешь народу по сусалам. Ну а если носишь дипломат в руке – то тут уж ты просто туз.

Борис Борисович Баклажанов еще со студенческих лет ходил с дипломатом, и дипломов в нем разных мастей было в достатке. Иногда Боруху даже казалось, что отец с ним родился. Не исключено, что при рождении ему вручили дипломат в руки акушеры и сначала он носил его на лямках в школу в виде ранца, а уже потом взял в руку и продолжил твердую поступь. С ним Баклажанов-старший ходил на официальные встречи, неизменно ездил на курорты, где, даже находясь в панамке и плавках, редко с ним расставался. Скорее бы уж выпустил из рук «ядерный чемоданчик» морской офицер, который вечно следовал за Верховным главнокомандующим, чем Борис Борисович своего брата-дипломата. История вообще доказала, что таскать за кем-то чужие портфели и зонты было куда судьбоноснее, но отец сдуру упорно продолжал носить свои. В общем, на протяжении всей жизни дипломат проходил красной нитью по всей его судьбе.

Был у Баклажанова-старшего товарищ детства, с которым они приехали в Ленинград поступать в институт. Это был сухощавый тонкий человек с не менее тонким чувством юмора и широкой эрудицией. Он никогда не унывал и заражал всех вокруг своим фирменным задором и энергией. Борис Борисович тоже любил пошутить, только шутил он по-своему. Товарищ его был ему полным антиподом и по образу мысли, и по телосложению, и по тяге к «зеленому змию», а, как известно, антиподы притягиваются. Их институтская группа всегда была дружна, и все поддерживали теплые отношения даже многие годы спустя после окончания вуза. Годы шли, время брало свое, и люди начали «уходить». «Ушел» и их одноклассник Юрий Кудинов, о чем «Антиподу» сообщил по телефону один из сокурсников. Дело в том, что в тот конкретный момент «Антипод» вернулся с какого-то банкета, на котором, видимо, несколько не рассчитал силы и пребывал в состоянии человека, понимавшего в этой жизни абсолютно все и даже имевшего некоторые претензии на мировое господство. В группе у них было два Юрия. Вторым был Грудич. Учитывая состояние и приняв еще горячительного для закрепления банкетного эффекта, он не придал значения фамилии, сконцентрировавшись лишь на имени, и начал обзывать одноклассников со словами:

– Грудич умер!

– Как? И Грудич тоже? – получал он один и тот же ответ на каждый свой звонок.

Через некоторое время в стане одноклассников возник конфуз, и все разом начали набирать Грудича. Тот, будучи человеком скромным и не привыкшим к излишнему к себе вниманию, несколько удивился такому интересу к своей персоне, а главное, тому, что он живой.

– Да как же, ребята? Мне нельзя, у меня трое детей и ипотека, – отвечал он всем, понимая, что был обречен на бессмертие.

Вершил «Антипод» людские судьбы и задолго до того, начиная еще со студенческой скамьи. Давным-давно они сидели втроем вместе с тем же Грудичем в комнате институтского общежития и по мере сил готовились к последней летней сессии. Настроение было крайне нерабочее – за окном стоял ленинградский зной, и шум пролетающих по проспекту троллейбусов абсолютно не давал сосредоточиться на конспектах. Неожиданно в дверь постучали, и

⁷ В. Шефнер, стихотворение «Слова».

вошел их товарищ из параллельной группы, живший этажом выше. Это был Тима Генделев. Он был офицерским сыном и, как водится, судьба помытарила его по разным городам и весям, в итоге приведя в Ленинград, где он и поступил в тот же институт. Парнем он был цельным и напористым и не чуждым авантюрам.

– Парни, я побуду тут с вами недолго, к соседу родня приехала – в комнате сидят все друг на друге, – сказал он, присев на угол скрипучей общажной койки.

Тимофей сидел, задумавшись, и, чувствовалось, что был чем-то не на шутку озадачен.

– Сдается мне, Тима, что-то тебя гнетет. Расскажи, может, чего и придумаем! – сказал Грудич, внимательно изучавший его все это время.

– В двух словах или как?

– Ну, у тебя есть два варианта: либо все расскажи, либо все в подробностях, – подключился «Антипод», явно учуяв интригу.

– Мда, вариантов вы мне немного намерили. *Tertium non datur*⁸, – отшутился Генделев.

– «Наливай», мы не торопимся! – сказал Грудич.

– Да нравится мне девчонка одна, – начал Тима, – курсом младше учится. Не знаю, как познакомиться, а она и без того вниманием не обделена. Чувствую, если сейчас институт закончу, – потеряю ее.

– Ну, тут расклад простой, – сказал «Антипод», – надо на второй год остаться. Все элементарно!

– Книжки тебе по целеполаганию писать надо, стратег! – саркастично парировал Генделев. – Что на второй год остаться надо – и лосю понятно, но как это сделать?

В комнате повисла пауза. Начался мозговой штурм. Каждый из членов квартета пытался явить свету свой вариант, сидя в испарине и в без того душной комнате.

– А давай, тебе руку ломаем, – вдруг неожиданно включился юный Боря, резко подняв глаза на Генделева и махнув пышными кудрями. – А что, возьмешь «академку», а на следующий год с барышней в одной группе окажешься, а там уж сам банкуи – все в твоих руках.

Все переглянулись, несколько оторопев от нахрапа решения.

– Легко тебе говорить, – сказал Тима, – кости не твои!

– Ну и жена будущая, знаешь ли, не моя тоже! – резюмировал Баклажанов тоном, не оставлявшим вариантов.

– Надо плацдарм организовать и анестезию, – подключился «Антипод», поставив прикроватную тумбочку в центр комнаты и, достав оттуда початую бутылку «Пшеничной», налил Генделеву полстакана.

Тима был уже и сам не рад, что зашел, но отступать было поздно, а уронить себя в глазах заговорщиков и вовсе недопустимо. Он поднял стакан и, пробурчав себе под нос какой-то самотот, выпил в три глотка.

– Теплая, зараза! – сказал он через некоторое время по прибытию эффекта.

– Извини, не подготовились! – бросил Баклажанов.

Затем усилием воли покорившись судьбе, Генделев с понятной неохотой присел, положив руку на тумбочку.

– Тимофей, ты вроде серьезный человек, – академично начал Грудич, поправив на носу очки, – без пяти минут технический вуз закончил, а ума как у гуманитария. Правую руку клади! – уже несколько распаляясь, прикрикнул он на Генделева, положившего на тумбочку левую руку.

– Спасибо, Юра. Извини, не сообразил – видать, развезло с полстакана, – с благодарностью сказал Генделев, поняв, что после левой пришлось бы ломать и правую.

– Чем бить будем? – спросил «Антипод».

⁸ «Третьего не дано» (лат.).

– Давайте доской чертежной приложим, – предложил Баклажанов, глянув на доску Грудича, которую тот перед сессией приволок из института.

– Доска казенная, мне ее возвращать – а проблемы мне не нужны! – ультимативно заявил Юра.

– Мелочный ты, Грудич, но продуманный – видать, проживешь долго! – хмыкнул «Антипод».

Весь квартет опять замолчал, размышляя над орудием операции. Внезапно в коридоре послышались шаги и смех шумной студенческой компании, на что трое отвлеклись. Не отвлекся лишь «Антипод». Он схватил полный конспектов дипломат Баклажанова и со всей дури опустил его на руку Генделева.

Через пару минут мат утих.

– На совесть сделано! – сказал «Антипод» то ли про результат содеянного, то ли про качество индийского дипломата.

– Так, ну что, – начал Баклажанов, хлопнув себя по коленкам и резко встав со стула, – полагаю, планы на сегодня несколько меняются. Вроде в чебуречную собирались, а надо в «травму» ехать – результаты проделанной работы предъявить и бумажки нарисовать нужные!

– Да уж, тем более коллега теперь чебуреки только с одной руки употреблять сможет, – шкодно заметил «Антипод», глянув на Генделева, который общую бодрость духа разделял едва ли.

– Могли бы вообще его с рук кормить, кабы обе сломали! – бросил Грудич с легким флером, как бы невзначай обозначив себя.

– Низкий поклон хоть на том! – буркнул Тима, начав постепенно приходить в себя.

Так оно все и получилось. Генделев остался на второй год, попав в группу к той барышне, а через пару лет они сыграли свадьбу в той самой чебуречной, где он уже ел с обеих рук. А все баклажановский дипломат.

У каждого в жизни были, есть или обязательно будут события, которые покажутся важными и с которыми будут связаны какие-то мысли, воспоминания и вещи. У каждого они будут свои. Это могут быть предметы гардероба, монеты или элементы быта.

– Сколько стоят они? – спросите вы.

– Они бесценны!

Мы обретаем их на разных этапах жизненного пути, и они что-то в себе хранят, наполняя нас этим. Это вещи-маяки, на которые мы оглядываемся назад, обладаем сейчас или высматриваем в будущем. Мы – часть этих вещей, и они определяют многое, а бывает, и судьбы людские вершат.

* * *

Уже приехав обратно в Союз, жизнь Баклажанова пошла дальше своим чередом. Занятия в школе сменялись встречами с друзьями, новыми знакомствами и событиями. Как-то в одно из воскресений, идя по улице со своим товарищем, Борух встретил их школьную учительницу русского языка. Душевной организации она была хрупкой, одевалась элегантно и носила кольца с огромными камнями причудливой формы, которые так обожают изъеденные молью театралши. Она безумно любила поэзию и всегда держала у кровати томик Анны Ахматовой. По собственному признанию, перед сном она читала стихи и иначе заснуть не могла, посему, скорее всего, по две смены в забое никогда не стояла.

– Здравствуйте, ребята! – сказала Рина Менделевна Корец, видимо, направляясь куда-то в магазин.

– День добрый, Рина Менделевна! – ответили они в голос.

– Завтра же какая-то контрольная работа по русскому языку планируется, – начал его товарищ, – что это будет: диктант, сочинение или изложение?

Рина Менделевна на миг задумалась, словно пытаясь подобрать название предстоящей работе.

– Хммм, скорее это будет маленький литературный этюд! – наконец ответила она.

– Рина Менделевна не Корец – Рина Менделевна курит! – хмыкнул тогда товарищ Боруха, когда они уже попрощались с ней.

Курила ли Рина Менделевна, было известно ей одной, но понедельник настал.

– Всем доброе утро, – сказала она, начиная первый урок, – сегодня у нас сочинение по произведению Владимира Тендрякова «Пара гнедых», я бы даже сказала, легкий литературный этюд, – добавила она, с улыбкой взглянув на Баклажанова.

В то время на волне «Перестройки» быстро набирали популярность писатели, имевшие свое видение на проблемы коллективизации и развитие села, и Тендряков был как раз одним из них.

Этюд давался Боруху тяжело, и легким, как обнадеживала Корец, ни разу не казался. Писал он всегда грамотно, но на тот момент не обладал необходимым стилем и пониманием схемы и структуры, на базе которых должна строиться работа. Он пытался, в жутких муках являя свету предложение за предложением, словно заемщик, отдающий деньги кредитору, и даже в мыслях моля о помощи самого Тендрякова, но автор был непреклонен.

Уже потом в выпускном классе школы, когда Баклажанов планировал поступать на филологический факультет, он как-то поделился с Корец своими планами.

– Вы не поступите, Баклажанов, – ультимативно сказала ему Рина Менделевна, – Вы даже ту работу по Тендрякову смогли написать лишь на три балла.

Борух посмотрел на нее и промолчал.

Решение поступать на филфак было довольно логичным. Оно было принято методом исключения, ибо в технических дисциплинах Баклажанов был, мягко говоря, не силен. Конец 80-х немного приоткрыл страну, и знание языков, как казалось Баклажановым, могло быть перспективным, но такими стратегами были далеко не они одни. Конкурс на поступление в языковые вузы был огромен, и надо было «подтянуть» знания дисциплин, необходимых для вступительных экзаменов. Аль Монахов, вот о ком вспомнил в тот момент Баклажанов, и они встретились вновь.

Алик Васильевич на тот момент преподавал на кафедре и параллельно работал над диссертацией, будучи без пяти минут Доктором Филологии. Человеком он всегда был очень увлеченным, легких путей по жизни никогда не искал, что несколько роднило его с Баклажановым-старшим, и для докторской выбрал тему «Понимание души русского человека через его язык на примере Красносельского района города». В то время он активно наработывал материал, постоянно толкаясь у регистратур поликлиник и в паспортных столах, а также беседуя с грузчиками универсамов, но понимание давалось с трудом. Тогда он решил расширить границы изысканий и поработать с молодежью, ибо она всегда являлась тем оазисом современной речи, необходимым для полноты картины. Звонок Баклажанова тогда был как раз кстати, и ранней весной 91-го года они снова пересеклись на судьбоносном для каждого из них этапе пути.

Борух написал порядка 30-и сочинений по всем мыслимым темам на базе классиков русской литературы. Впоследствии он передавал их знакомым, и с этой пачкой поступали в вузы уже они. Монахов был беспощаден, но поэтапно придавал тот стиль, которым Борух до того не обладал. Это было сродни строительству дома, начиная с фундамента и далее этаж за этажом, те верандные рамы и преодоление, необходимое для прогресса, но Баклажанов писал и ходил на занятия с еще большей решимостью, пританцовывая вновь.

– Алик Васильевич, можно один вопрос? – спросил как-то он у Монахова во время одного из занятий.

– Излагайте, Борух! – ответил тот, отложив в сторону томик Флоренского.

– Вы же сейчас работаете на кафедре и знаете многих, может быть, Вы окажете мне протекцию? – начал Баклажанов издали.

– Скажите, Баклажанов, а зачем я учился? Может быть, я и могу как-то поспособствовать Вам, но тем самым умножу себя на ноль, – отрезал Монахов. – А пока поработайте вот над этим абзацем, – добавил он, ткнув пальцем в очередное сочинение, над которым они корпели.

Затем он опять открыл Флоренского и унесся в ту, ведомую лишь ему, нирвану.

Спустя годы Борух часто оглядывался назад, вспоминая те времена. Это был этап пути, который они прошли вместе в одной лодке, как гребец и загребной, будучи единым экипажем. Баклажанов учился, а Монахов учил, и каждый отдавал всего себя, чтобы в итоге где-то появился этот литературный этюд.

Часть вторая. Юность Боруха

Стык времен

Планируя поступление в языковой вуз, Баклажанов решил подать документы в два места. Первым делом он решил попытать счастья в ЛГПИ им. Герцена. Сдав там первый экзамен по английскому языку на «отлично» (а после «английской» школы это не составляло большого труда), через пару дней он отправился на сдачу устной литературы. Вытянув билет по поэме Твардовского «Василий Теркин», ему сразу показалось, что шансов у него маловато, потому как поэму эту он читал в средних классах школы и мало что помнил. Он вдруг начал по памяти ее пересказывать, но экзаменатор резко оборвал его:

– Мы тут все в курсе содержания поэмы, молодой человек! Подтверждайте свой ответ цитатами, пожалуйста.

– Прибыли! – подумал тогда Баклажанов, но решил не сдаваться. – Видите ли, какое дело, я читал эту поэму давно и помню единственную цитату.

– А именно? – спросил один из экзаменаторов, подняв на него глаза и поправив массивные очки.

– «Переправа, переправа. Берег левый, берег правый», – собравшись с духом, быстро выпалил Борух, дабы берега не попутать.

– Мы, конечно, понимаем, Баклажанов, что наш вуз испытывает нехватку молодых людей, но на этом можете считать, что поступление Вы завершили, – резюмировал экзаменатор, как-то торжественно отдав Боруху документы.

Покидал тогда Баклажанов аудиторию с тем же позором, с которым в свое время Остап Бендер покинул аукционный дом. «Олух ты, олух, Баклажанов Борух», – бубнил он себе под нос по пути к метро, машинально подбирая ногу с прохожими и представляя себя уже в солдатском строю. В мыслях он уже был на вступительных экзаменах в ЛГУ, первым из которых было сочинение. Вечером перед экзаменом он позвонил Аль Монахову.

– Баклажанов, помните все, чему я учил Вас. Я сделал все, что мог! – сказал он в трубку.

Потом он немного помолчал и добавил:

– Удачи тебе!

Утро перед экзаменом выдалось солнечным. Выйдя из метро, Борух подмигнул женщине, торговавшей семечками, и она подмигнула ему в ответ. «Уже не показалось», – подумал Баклажанов и направился на юридический факультет, где по расписанию должен был состояться первый экзамен. Одет он был в белую рубашку, подчеркивавшую серьезность момента, а джинсы, купленные в Италии на остатки лир, чуть смягчали образ, придавая какой-то лоск. Те самые кроссовки заокеанской фирмы ставили жирную финальную точку в его гардеробе. «Юридический факультет» – было написано на массивной табличке входной двери. Баклажанов открыл дверь и вошел.

Борух пришел чуть раньше назначенного времени, но в коридорах уже было полно абитуриентов, которые общались друг с другом, пытаясь как-то подавить в себе мандраж перед неизвестностью. Через некоторое время из экзаменационного зала вышел преподаватель и пригласил всех внутрь. «Выше нос!» – подумал Баклажанов и проследовал вместе со всеми.

Когда на доске написали 3 темы для сочинения, Борух понял, что вся работа с Монаховым шла псу под хвост. Первой темой была «Жизненная деградация Ионыча» по Чехову. Это был, пожалуй, единственный автор, которому они не уделили должного внимания, да и само произведение Баклажанов помнил смутно, как и Бендер восстание на броненосце «Очаков». Затем Борух начал пристально всматриваться в лица абитуриентов, пытаясь представить, най-

дуются ли отчаянные, которые выберут тему «Маяковский о загранице», которая была второй, но не увидел ни одного. Оставалась третья тема «Почему поднятая целина не дала урожая» по произведениям современных советских писателей, а это означало, что сам Шолохов был исключен.

Баклажанов сидел в полном безмыслии, а время неумолимо шло. Он то смотрел в окно, то внимательно изучал надписи на парте, из которых также можно было сваять сочинения, но уже на иные темы. Многие абитуриенты вставали и уходили, большинство же, как показалось Боруху, выбрали Чехова и начали писать.

«А почему бы не Тендряков и его «Пара гнедых», – подумал тогда Баклажанов о третьей теме, вспомнив тот посредственно написанный в школе этюд. Вооружившись всем, чему учил его Монахов, Борух начал переделывать то школьное сочинение на новый лад в стиле, привитом ему сенсеем. Это было трудно, но дело шло. Он мучительно вспоминал само произведение и конкретные цитаты, придавая всему новую жизнь. Под конец экзамена Борух еле успел переписать все на чистовик и сдал работу. «А ведь может получиться неплохо», – подумал он, уже выйдя из здания факультета, и, улыбнувшись, направился обратно к метро.

Придя домой, Баклажанов позвонил Монахову и рассказал все подробно.

– Борух, шансы твои невелики, – сказал тот и объяснил почему.

«Не полностью раскрыта тема» – вот вердикт, который часто выносили в то время работам, содержание и источники которых были еще не совсем фундаментальны для того периода развития страны. Иными словами, они были спорны. Для гарантии результата мудрее было базироваться на чем-то уже проверенном временем и историей, а именно на Пушкине, Достоевском или том же Чехове, предложенном в качестве первого автора. Подобными «кандидатскими» и «докторскими» и были туго набиты все вузовские архивы.

– Так что разношивайте сапоги! – сказал Монахов. – А я уезжаю в отпуск, – добавил он.

– Еще не вечер! – ответил Борух и повесил трубку.

Через несколько дней Баклажанов направился на филологический факультет за результатом экзамена. Выйдя из метро, он посмотрел вслед только что ушедшему 10-му троллейбусу и решил идти пешком. Он шел мимо «Дома книги», пересек Мойку, заглянув в окна «Литературного кафе», затем свернул к арке Генерального штаба и вышел на Дворцовую. Борух шагал опять в ту же неизвестность, которая пугала и вдохновляла одновременно. Он шел и думал, думал о жизни и о судьбе. Был ли он уверен в себе в том момент? Скорее нет, но он четко знал, что сделал все, что от него зависело и даже чуть больше, а остальное его не волновало. Он смотрел вперед и видел лишь Дворцовый мост, но не знал, что будет там, на другом берегу Невы.

Войдя в здание факультета, Борух поднялся по центральной лестнице и, повернув налево, зашел в аудиторию. Дождавшись своей очереди, он подошел к стойке.

– Кто Вы? – спросила практикантка, выдававшая результаты.

– Я Борух Баклажанов! – ответил он.

– Подождите, я посмотрю Ваш результат, – бросила она впопыхах и отошла, начав искать его работу.

Затем найдя его сочинение, она направилась обратно, села и открыла его.

– Пять баллов, Баклажанов! – сказала практикантка.

– Благодарю Вас, – спокойно ответил Борух и добавил. – А где у вас можно выпить кофе?

– Зайдите в «Яму», – улыбнувшись, сказала она, – это по лестнице вниз.

То, что это яма, Баклажанов понял сразу, войдя туда, но публика была роскошной. Это были молодые люди разных возрастов, которые сидели в клубах табачного дыма, живо что-то обсуждая. Борух взял «полоску» с джемом за 22 копейки и стал ждать кофе, наблюдая за посетителями. В тот момент он чувствовал себя простым деревенским смертным, попавшим на кухонные посиделки московских поэтов-шестидесятников. В каждом из них было что-то

особенное, отличавшее их от обычных людей того времени. У кого-то на руке были причудливые браслеты, другие были оригинально пострижены, третьи носили непонятного фасона сумки и рюкзаки.

– Ваш «икспрессо»! – крикнул из-за стойки «бариста», протягивая ему граненый стакан.

Баклажанов ел пирожное, запивая его кофе, и вся эта атмосфера начинала его манить. «Надо бы попасть сюда, – подумал тогда Борух, – осталось всего три экзамена!». Допив кофе и глянув на одного из посетителей, мирно спавшего за угловым столом после вчерашнего бурного загула, он встал и уехал домой.

Получив «отлично» за сочинение, Баклажанов, видимо, несколько расслабился и не уделил должного внимания подготовке к следующим экзаменам, шансы на которых у него были на порядок выше, чем на сочинении. Английский язык он сдал лишь на «хорошо», но ничего хорошего в этом не было. Просто дело в том, что по уровню сложности экзамен был значительно выше, чем в Герцена. Одним из заданий был перевод нескольких предложений сложной конструкции, где он сделал единственную ошибку и потерял тот драгоценный балл. Потерял он его и на следующем устном экзамене по русскому языку и литературе. Борух безукоризненно ответил по «Разгрому» Фадеева, но затем в предложенном тексте на пунктуацию в одном месте поставил запятую вместо точки с запятой. Оставался последний экзамен по истории, и сдавать его нужно было только на «отлично». «Воистину, рутина бытия. Сначала нагородить себе проблем, а потом героически их решать», – подумалось тогда Боруху.

В истории Баклажанов был не силен, поэтому он дополнительно посещал подготовительные курсы при университете, дабы иметь общее представление об уровне знаний и примерных билетах на экзамене. Он мог ответить по большинству билетов, но их было великое множество, и по некоторым из них, как, к примеру, «Сибирь в 16-ом веке», он бы не ответил практически ничего. «Что же делать? Нельзя же объять необъятное?!» – подумал Борух и за день до экзамена решил прогуляться по городу и в итоге добрал до филфака.

Факультет жил экзаменами. Повсюду сновали абитуриенты, что-то обсуждая между собой и делаясь впечатлениями. Вдруг на центральной лестнице Баклажанов увидел своего товарища, с которым они вместе посещали подготовительные курсы.

– Здорово, Гаррис, – сказал Борух, протягивая ему руку, – как давление в котлах?

Игорь поступал на «русское» отделение и в тот день как раз сдавал историю. С виду он был явно чем-то удручен.

– Четверка только, – сказал он, видимо, надеясь на «отлично», и пожал руку в ответ.

– Почему? Какой билет-то хоть попался?

– «Русско-японская война 1905 года». Вроде бы все ответил, – в недоумении сказал Гаррис.

– Почему «четыре» тогда?

– Да в конце спросили, какой художник на крейсере «Петропавловск» во время войны погиб, а я и не знал, – с сожалением сказал Игорь.

– И какой же?

– Верещагин, – бросил Гаррис и, быстро попрощавшись, куда-то исчез.

– Ох уж эти японцы – одни проблемы с ними. Мало того, что ухандокали живописца, так еще и оценку Гаррису смазали! – подумал Борух. – Это ж ведь не только билеты выучи – еще и вопросами замордуют.

Впоследствии Баклажанов часто вспоминал это и обдумывал, но найти объяснения так и не мог. То ли погода располагала, то ли звезды сошлись как-то по-особенному, то ли то, что за него молилась бабушкина подруга, но на следующий день, придя на экзамен, он вытащил тот же самый билет. Борух отвечал подробно, но под конец экзаменатор прервал его.

– Баклажанов, мы видим, что материал Вы знаете, но у нас будет один дополнительный вопрос.

- Я даже догадываюсь, какой, – подумалось тогда Боруху.
- Какой художник погиб на крейсере «Петропавловск» в Порт-Артуре?
- Верещагин, – невозмутимо ответил Баклажанов.
- Это университетский ответ – «пять баллов»! – сказала экзаменатор, отдавая ему документы.

Так 1 сентября 91-го года Борух Баклажанов стал студентом филологического факультета. Для него это стало тем самым стыком времен и водоразделом в судьбе. Пройдя определенные этапы пути и имея за спиной советское пионерское прошлое, он начинал смотреть в какую-то новую, пока непонятную для него жизнь. Много в ней он принимал с трудом. Он не понимал, как фарцовщики, которые, как ему всегда казалось, являлись позором страны, в итоге превращались в уважаемых бизнесменов. В них же зачастую переобувались и представители преступного мира, скороспело поправ его законы, по которым жили до того, уважая их. Впоследствии все они напоминали Баклажанову многих политиков, которые пафосно и прилюдно жгли свои партийные билеты в угоду моде и выгоде. Они с упоением плевали на пройденный путь, отвернувшись от всего, что когда-то возносили сами, и смотрели уже совсем в другую сторону. В студенчестве все более зрели мотивы получения образования на родине и отъезда за рубеж, дабы отдать себя уже там. Пределом мечтаний девичьих неокрепших умов становились победы в конкурсах красоты, где они выставляли напоказ все сокровенное в жадном сыске тех уважаемых бизнесменов. Но получив искомое, они лили слезы, когда последние отбирали у них детей, ибо в бизнесе дамы те были не сильны.

Все это приводило к тому, что военные стали стесняться носить форму, а инженеры и рабочие превращались в людей второго сорта. Смотря по телевизору, как сносят памятники государственным фигурам прошлого, пусть и спорным, но сделавшим страну такой, какая она есть, Боруху казалось, что этот переход был уж очень резким.

Деньги – вот что стало главным мерилom времени и чем никогда до того не являлось. Они поработали людские умы и, попадая в кровь, овладевали душами. Примеров тому Баклажанов видел немало и, анализируя их, постепенно приходил к своей теории – теории денег.

Теория денег Баклажанова

Перед своей смертью султан Сулейман Кануни позвал главнокомандующего своей армией и отдал ему последний приказ.

– Я хочу, чтобы мой табут несли самые лучшие врачи Османской империи. Это первое, – начал он. – Второе. По всему пути, по которому будут нести мой табут, должны быть без остатка разбросаны все драгоценности и камни, мне принадлежащие. И наконец, я хочу, чтобы мои руки торчали из табута и были видны всем.

В смятении от услышанного главнокомандующий попросил у султана объяснить причины столь странных пожеланий, и тот ответил:

– Пускай лучшие светила несут мой табут, и пусть все видят, что даже они (светила) бессильны перед лицом смерти. Разбросайте все нажитые мною богатства, и пусть каждый поймет, что все, что мы получаем в этом мире, здесь же и остается. И наконец, пусть все видят мои руки и усвоят, что даже великий падишах всего мира султан Сулейман Кануни уходит из этой жизни с пустыми руками.

Борух не раз обдумывал эту притчу, но понимал, что это было далеко не все. Она являла лишь финал, но не давала объяснений истокам денег и их влияния на формирование личности, а главное, их роли в судьбе человека.

«Нажив деньги, знайте, – я буду в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего и подлее, что они даже таланты дают», – то ли ерничая, то ли всерьез кричал Ганька Иволгин князю Мышкину, денег тех не имея. Это было ничуть не удивительно, ибо Боруху всегда казалось, что именно сами таланты приносят что-то, а не наоборот, так что Иволгин в причинно-следственных связях там явно заплутал. В точности также рвался к деньгам и Карандышев Островского, всячески стремясь показать свое «богатство» и пародируя сильных мира сего. А коль ты пародист – ты уже второй. Оба они были смешны и жалки, потому как пытались двигаться к деньгам с другой стороны путем неверным.

Баклажанов часто вспоминал одну историю, приключившуюся с ним в начале «нулевых». В то время по разным вопросам Борух пребывал в гостинице, которая в свое время называлась «Европейская». Место это было весьма популярным, там часто назначались встречи, обсуждались дела, и Баклажанов то и дело бывал там, иногда даже дневал и ночевал.

Как-то, решив насущный на тот момент вопрос, он уезжал домой поздней ночью. Времени было примерно половина второго, а на «воротах» отеля стоял бессменный швейцар Толя. В то время он был каким-то негласным символом отеля. Одет Толя был в мантию, а на голове у него красовался роскошный цилиндр, которому бы позавидовал сам Пушкин.

– Тот самый Пушкин? – спросите вы.

– Да-да, тот самый Лёня Пушкин, давний выпускник театралки и личность весьма незаурядная. Он то играл на гитаре на Дворцовой, горланя что есть мочи известные песни и жутко перевирая слова, то в «жирный» летний сезон переодевался в поэта и фотографировался с туристами, но всем, за что бы он не брался, – он нещадно рвал толпу.

В тот поздний час посетителей в гостинице, понятное дело, уже не было, и Толя ходил туда-сюда, не зная, куда себя деть. Ему было скучно. В итоге Толя принял судьбоносное для себя решение и вышел на улицу из-под козырька отеля. Он постоял немного, вдохнул и выдохнул. Затем он с видом человека, отстоявшего сутки у мартена, снял цилиндр и в истоме подставил лицо теплему июньскому дождю, а из цилиндра посыпались сторублевые купюры. «Да уж, Толя, не жалеешь ты себя совсем, – подумал Баклажанов, – но деньги твои далеко... далеко впереди».

«Мысль – начало всего, – писал Толстой, – и мыслями нужно управлять. И поэтому главное дело совершенствования – работать над мыслями».

«Работа над мыслями». Странный оборот речи какой-то и занятие туманное, но именно оно зачастую и рождает идею для воплощения. Каждый человек уникален и наделен чем-то своим, и задача этого туманного занятия – отыскать это «свое» в себе. «Но ведь определенно нужен допинг, который сдвинет все из статики?» – думал Борух. Этим допингом и должен быть голод. У каждого он может быть свой. Жизнь и история показывали, что все истинно великое совершалось в состоянии этого голода, преодоления и слома страстей и привычек, что в итоге приводило к душевному дисбалансу и, как следствие, к прогрессу и движению вперед.

«Не от хорошей жизни я к этому пришел!» – часто слышал он от многих, показавших результат, на что сытый редко будет способен. «Голод и злость! Голод и злость – вот, определенно, лучшие мотиваторы», – вертелось у него в голове.

Духовное наполнение, приходящее с умственной работой, и дальнейшее действие – это те этапы пути, ведущие нас к целям, частью которых и могут быть деньги. Но деньги всегда вторичны. Лишь люди духовно наполненные смогут впоследствии органично распорядиться этими деньгами для себя и для общества, на что никогда не будет способен «откатной» чиновник, ибо деньги его шальные. Эти люди тщательно оберегают от денег своих детей, ибо, налив им их до краев, они тем самым лишат их жизненного иммунитета, а жизнь такая штука, что всего в ней не купишь.

Баклажанов определенно понимал, что все, о чем он думал и что анализировал, было уже сказано где-то до него. Это было в Библии, а все остальное – плагиат. Он жил этими мыслями в разных местах и со многими людьми, бродя по городу и пританцовывая, но уже как-то по-другому, и однажды совершил ошибку.

Ошибка в танце. Село Жёстково

Как-то после окончания 1-го курса Баклажанов решил поехать на дачу к своему товарищу детства. Тогда Борух был молод душой, бесшабашен, игрив и еще в меру циничен. Путь был не близкий. Это был 101-ый километр от города, как раз куда ссылали лиц, в этой жизни оступившихся. Собрался Баклажанов оперативно. Побросав в рюкзак зубную щетку, три банки тушенки и пару бутылок «Сибирской» водки, он отправился на электричку, успев-таки на последний поезд перед большим перерывом.

Через пару часов в вагоне объявили: «Село Жёстково. Выход из первых двух вагонов». Борух накинул на плечо рюкзак и вышел на перрон. Станция была крохотная, и народу на платформе почти не было, так что он сразу увидел Дениса, который встречал его.

– Здорово, Ден! – сказал Борух, подойдя к нему и протянув руку.

– И тебе не хворать! – ответил тот.

Борух с Денисом в детстве жили по соседству и были одноклассниками. Их семьи дружили, особенно их деды. Они частенько любили гулять с внуками, когда те катались на велосипедах. Ден был повыше Боруха ростом, носил длинные волосы и не сбривал юношеские усы, которые, как ему казалось, прибавляли ему пару лет, так что вполне сошел бы за пятого в ливерпульской четверке.

– Давай быстрее – через пару минут автобус подойдет, – сказал Денис.

Ехать было минут 20. Время пролетело быстро, потому как не виделись они давно и поговорить было о чем. Вскоре автобус приехал на конечную, они вышли и пошли в сторону дачи. Подойдя к дому, Ден открыл калитку чуть покосившегося забора. «Villa Greta» – было мастерски написано на жестяной табличке входной двери дома. «Уже интригует, хотя бывал я на виллах», – подумал Баклажанов, вспомнив об Италии, и они вошли.

Родители Дениса были из мира балета. Оба они служили в театре и часто ездили на гастроли. На скромные командировочные, что выдавали им в зарубежных поездках, они старались привезти какие-то памятные мелочи, которыми украшали дачу. Баклажанов сразу начал изучать гастрольные маршруты по магнитикам на дачном холодильнике «Мир», а также по зарубежным газетным статьям, которые были бережно вырезаны и расклеены по всей маленькой кухне. Повсюду были горделиво расставлены пустые банки из-под зарубежного пива, а также из-под того газированного прохладительного напитка, которым Борух был до одури сыт еще с той же Италии, с посылом на то, что хозяева люди далеко не простые.

– Богемно, однако! – вырвалось у Баклажанова.

– Чего ты там бормочешь? Ты тушенку-то не забыл? – спросил Денис, вернув Боруха из заграничных мыслей на дачную кухню. – Я картошку уже отварил, – добавил он.

– Три банки, как было велено! – ответил Баклажанов.

– Давай две сюда, сейчас в картошку вывалим, разомнем и «походный» вариант организуем, – сказал Денис.

– А главное-то не забыл?! – вдруг с каким-то тихим ужасом спросил Ден, подняв на Баклажанова глаза.

– Обижаешь! – ответил Борух, выставляя на стол одну из двух бутылок «Сибирской».

При виде нее сразу почувствовалось, что Денису заметно полегчало, и он понял, что вечер смазан не будет.

– Разлей по «полтахе» для разгона, пока я готовлю, – добавил он.

Феерия встречи вдохновляла, и его душе, может, и хотелось шампанского, но тело решительно требовало водки и огурцов. Соленые огурцы на даче были в изобилии, поскольку бабушка Дениса на тот момент активно занималась заготовками на зиму. Баклажанов открыл

бутылку и наполнил две граненые дачные стопки, Денис положил рядом с каждой по огурцу и по стеблю зеленого лука. Затем Борух вынул зажигалку и поджег каждую из стопок.

– Натуральная – 45 градусов! – согласился с ним Ден.

Натюрморт был готов. Чокнувшись под краткий тост на все времена, они выпили.

– Ну что – начало положено, – выдохнув, сказал Денис, подавая горячее.

Они пили и общались около часа, обмениваясь новостями, и первая из «Сибирских» подошла к концу. Тем временем из сельского клуба начала доноситься музыка, зазывая, как мусульман на молебен.

– Давай на дискотеку сходим, – предложил Борух Денису.

– Да чего я там не видел – был я там сто раз, – ответил тот, – я лучше здесь приберусь, а потом спать лягу.

– А я сгоняю! – поддавшись соблазну, сказал Баклажанов, понимая впоследствии, что лучше бы он пошел в театр.

Жёстковский театр драмы (краткая справка)

В начале 90-х годов для повышения культурного уровня населения в селах часто строили драматические театры. По линии министерства культуры для этого была разработана целая государственная программа, целью которой было изменить вектор досуга селян и привить им те ростки, столь необходимые для личностного культурного роста. Идея эта зрела в верхах еще с начала 80-х, и на тот момент начала активно претворяться в жизнь.

Село Жёстково в эту программу, по счастью, попало, и театр был построен. Труппа набиралась в основном из местных жителей, но нередко на гастроли приезжали и коллективы ведущих театров страны. На жёстковской сцене блистали популярные в то время Соломон Штыц и Жанна Ванильная. В некоторых постановках, по слухам, принимал участие даже сам Николай Апфельбаум-Черезтире, но театр с ним быстро расстался, поскольку тот каждый раз доводил до белого каления главбуха, пытавшегося с его слов написать его фамилию в ведомости в день зарплаты.

Театральный худрук Модест Мельпоменов постоянно искал новые формы и дерзко экспериментировал, перепробовав все от камбоджийских фантастов до белорусских деревенщиков, но в итоге остановился на пьесах Ираклия Щербатова – своего однокашника по театральному институту. Ираклий писал глубоко, безжалостно беря все социальные нарывы страны, начиная со второй половины 20-го века. В тот вечер на сцене давали «Плов» по Щербатову, и большинство населения пошло в театр, но Баклажанов посчитал иначе.

* * *

Клуб был определенно сельским, с паркетом, как в старых коммуналках. По углам стояли столики, за которыми в полумраке сидели скупающие дамы весомых достоинств. Заиграла медленная музыка, и Борух решил пригласить на танец одну из них.

– Я Вас категорически приветствую, – сказал он, подойдя к ней, – разрешите Вас пригласить.

– Явно не местный! – подумала она, но приглашение приняла, с показным безразличием закатив глаза и томно встав.

Давешние полбутылки «Сибирской» делали Баклажанова особенно галантным, и даму он вел весьма пиетично. Не учел Борух лишь одного – она была подругой местного селянина, а стало быть, находилась «при нем». Тот сидел со своей компанией в другом конце зала, бурно обсуждая вопросы, далекие от глобальных, и в конце танца предложил Боруху выйти, спровоцировав того на дискуссию. На провокацию Баклажанов из вежливости поддался и, приняв

приглашение, вышел на улицу. Дискутировали они недолго, результатом же была сдвинутая челюсть у одного и кровавые сопли у другого. Итоги местного явно не устраивали, и останавливаться на достигнутом он не собирался. По его счастью, в тот момент он увидел своего старшего брата, который как раз с компанией возвращался из театра с «Плова» по Щербатову, и попросил того посодействовать. «Оппонентов прибавляется!» – подумал тогда Борух, а в центре внимания он быть привык.

Старший брат на просьбу родственника откликнулся, равно как откликнулись и его друзья. Они подошли к вопросу ответственно. Театралы разматывали сапогами лежавшего на земле Баклажанова, и Борух начинал понимать, что танцор он плохой. В какой-то момент компании стало скучно, и они устроили перекур, а Баклажанов пошел к колонке смывать с лица кровавую кашу. «В театр надо было тебе идти, танцор, в театр – души поболее, а физики поменьше!» – думал Борух и на миг поднял глаза. Зрелище не пришлось ему по душе. Эти пятеро вовсю вырывали заборные колья из ближайшей ограды, и Баклажанов понял, что делали они это не просто так. Подсознательно вспомнив, что лучшая из 36 стратагем это «бегство», Борух иного пути искать не стал.

Бежал он быстро, хотя бегом это было трудно назвать – скорее он парил, слегка касаясь земли и оставляя за собой столб пыли, как от несущегося табуна лошадей. В какой-то момент он обогнал группу детей из местной спортивной школы, совершавших вечернюю пробежку.

Уже подбежав к «вилле», Борух остановился и, отхаркиваясь что есть мочи, пытался восстановить дыхание. Группа детей догнала его и побежала дальше по сельской дороге, но мальчишка, бежавший в конце, остановился и подошел к нему. Паренок был чернокожий.

– Каким ветром он здесь? – подумал тогда Борух.

– Дяденька, кто это Вас так? – спросил мальчуган, внимательно изучая Баклажанова.

– Да вот на танцы сходил! – ответил Борух.

– Вы, дяденька, лучше бы в театр пошли, – сказал парнишка. – Меня мама водила – там красиво и люди хорошие.

– Я заметил! – буркнул в ответ Баклажанов. – Ну, беги, ребят догоняй. Слушай маму и радио и учись хорошо – тогда из тебя толк будет.

– Договорились! – озорно сказал мальчишка, улыбнувшись и сверкнув белыми как снег зубами.

– Как зовут-то тебя? – спросил Баклажанов уже убежавшего паренька.

– Усейн! – крикнул тот и скрылся за поворотом.

Утро следующего дня выдалось тяжелым. Баклажанов проснулся и с трудом смог открыть глаза и отнюдь не по причине раннего часа. Он вышел на кухню, где Денис уже готовил завтрак, разогревая остатки вчерашних яств.

– Ого! Как я понимаю, вчерашний поход в клуб удался? – спросил он, взглянув на Боруха.

– Был неразборчив в выборе дам! – резюмировал тот.

– Ну, ничего, опыт – сын ошибок трудных. Впредь поразборчивее будешь, – усмехнулся Ден, – садись есть.

Надо было поправить здоровье, чтобы утро заиграло яркими красками, и они открыли вторую «Сибирскую». Говорили они долго, и после короткой прогулки по селу пришло время возвращаться домой.

Приехав на станцию и купив льготный студенческий билет, Баклажанов помчал домой. Электричка шла как-то монотонно медленно, и где-то на середине пути Борух решил выйти в тамбур на перекур. Там уже стоял человек. Это был седой мужчина среднего роста лет пятидесяти. Синие «перстни» на пальцах и Сталин на груди, видневшийся из-под расстегнутой рубашки, слабо выдавали в нем инженера или служащего.

– Прикурить не будет? – спросил Борух.

– Имеется! – сухо ответил человек, как-то изучающе с прищуром посмотрев на него.

Он ехал в город отмечаться со справкой об освобождении. Они так и простояли в тамбуре вплоть до города за разговорами на разные темы. Чувствовалось, что человек испытывал к Баклажанову какую-то симпатию, ибо Борух разговор вел грамотно и лишних вопросов не задавал по понятным причинам. Сам же человек говорил взвешенно и от некоторых тем уходил по причинам тем же.

Поезд прибыл на станцию Баклажанова, и пришло время прощаться. Они пожали руки.

– Парень, я не знаю, что там у тебя произошло, – сказал человек, еще раз глянув на лицо Баклажанова, – но чую, ты мужик – иначе я бы с тобой даже не заговорил.

Комплимент ли это был или нет, Борух тогда понять не мог, но часто вспоминал эту мимолетную встречу в тамбуре электрички, этого человека и его мысли. Во многом они были спорны, но было определенно и здоровое зерно. Впоследствии он часто их анализировал, переключая на разные житейские лады, и постепенно приходило смутное понимание хода той жизни – «хода воровского».

Размышления Баклажанова по «воровскому ходу»

Любая великая страна, коей и являлся Советский Союз, по ходу своей истории порождает некие уникальные проекты и институты. Они могут появляться в разное время и во многих сферах, и их практически невозможно скопировать или в каком-то виде повторить. Они могут быть положительными или отрицательными, но, так или иначе, являться зеркалом, отражающим тот или иной этап развития общества. В спорте это была «Красная машина» отечественного хоккея, на телевидении были созданы «КВН» и «Что? Где? Когда?», а в театральной сфере свои «дома» возвели Товстоногов и Любимов, которые («дома») долгое время по праву считались государством в государстве. Была масса проектов в сфере обороноспособности и безопасности страны, о которых простым смертным даже не известно. Все это было создано, и конечной целью никогда не виделись деньги. Это создавалось на базе некой идеи и крутилось, так или иначе, вокруг нее.

Советский преступный мир – явление уникальное, ибо лишь он мог породить тот спорный и полный противоречий институт «воров в законе».

Все мы рождаемся одинаковыми людьми, но затем в силу многих обстоятельств начинаем идти разными дорогами, часть из которых приводит в неволю. Лишение свободы – это главный рычаг трансформации сознания, который наряду с определенным этапом развития государства и создал данный институт. Тюремная же «хата» в каком-то виде является микросхемой общества с людьми разного социального положения и вероисповедания. Она учит приспособливаться, «держат бazaar», обходя острые темы, дабы выжить в этом укладе жизни, коим и является «воровской ход».

Вор должен воровать, игнорируя все законы и устои государства – вот основная доктрина этого института. Этим нужно заниматься с детства, чтобы воровство стало твоей жизнью и судьбой. Вором невозможно стать посередине жизни, чтобы испытать себя или достичь чего-то в этом жестком жизненном укладе и в противоборстве с такими же, как и он сам. Каждое утро, выходя из дома, вор должен четко отдавать себе отчет, что вечером этого дня он может быть убит, и при этой мысли он должен чувствовать себя комфортно.

Это уклад жизни со своими внутренними негласными законами и устоями, лексикой и песнями, которые с течением времени породили такое музыкальное направление, как «Русский шансон» – песни про воровское братство, тяжелую арестантскую долю, любовь к матери и верность избранному когда-то пути. С течением времени они становились популярными и среди обычных людей. Песни раздавались отовсюду, но слушая их, Баклажанову всегда казалось, что были они уж очень однобоки. Никто никогда не спел про украденные во время войны у семей хлебные карточки, обрекая людей на верную смерть, не пелось и про семьи, оставленные без кормильцев, ставших жертвами воровских налетов. Дед Баклажанова, выросший на Васильевском острове и воспитанный улицей, часто рассказывал, как местные «щипачи» в день полочки помогали подвыпившим «фраерам» (обычным заводским рабочим) переходить улицу, вынимая тем временем у них «лопаты» и оставляя их семьи голодными на месяц. Не складывалось об этом песен – может, вдохновение к бардам не приходило, а, может, с размером стихотворным определиться не могли.

В воровской жизни, как и в дикой природе, и в человеческом обществе, успеха добиваются наиболее мудрые, волевые и тоньше чувствующие и понимающие индивиды. Это люди одаренные, прекрасные стратеги и аналитики, являющиеся вожаками «воровского хода». Это «воры в законе», законов не знающие и живущие по своим, выработанным еще с начала 20-х годов прошлого века «понятиям». Свод этих «понятий» довольно прост. «Законник» не должен работать, живя лишь воровством, он не имеет права сотрудничать с властью и выступать с оружием в руках на ее стороне, т. е. не служить в армии и не участвовать в войнах, которые

эта власть ведет. Он не должен иметь семьи и собственности, иными словами быть при пустых руках и ничего не иметь за спиной, что каким-либо образом ограничивало бы понятную лишь ему свободу «бродяги». «Понятия» эти были весьма размыты к концу 80-х годов прошлого столетия и, как казалось Баклажанову, последними из могикиан были «Бриллиант» и «Корж», которые закрыли за собой истинно воровскую калитку.

«Вор в законе» в своих «понятиях» идет против течения – против государства с его устоями и предлагаемым образом жизни и достижениями. Он считает себя выше него, но вся соль в том, что при отсутствии государства воровать ему было бы нечего. Раскачка собственного «эго» и позиционирование себя выше социума – вот образ жизни этих людей.

Баклажанов долго изучал этот мир, в котором жизнь, как и на войне, бежит быстрее. Далеко не все с этим темпом справлялись, и чем моложе «законник», тем короче была его жизнь после «короны», потому как с этим статусом надобно обращаться аккуратно, а молодые да ранние долго не тянули. Почему не тянули? Да опять-таки потому, что спешили при том, и без того быстром, беге жизни.

Что же нужно, чтобы с этой поклажей осилить дорогу до конца и умереть своей смертью? Интересный вопрос. На него Боруху как-то ответил его старший брат, приехавший к нему погостить. Ответ был прост и понятен, не неся в себе ничего сверхъестественного, но положил Баклажанова на лопатки. «Тут, Борух, нужен нюх и, желательно, волчий!» – бросил тогда брат, опрокинув очередную стопку водки.

Нюх на людей, на ситуацию и ее развитие – вот чем наделены от природы эти люди. Нюх не заменишь умом или мудростью, он существует параллельно им. Именно люди, обладающие этим звериным чутьем, и становятся во главу «воровского хода», подавая пример свой. Но они все те же люди из плоти и крови и, наделенные природой одним, они никуда не денутся от другого, заложенного в каждом, а именно, что нужно брать и отдавать. Вот и строят под конец жизни часовни да церкви, а надо бы их раньше возводить и внутри себя. Может, это и есть совесть?! Кто знает.

Ремесла и судьбы

Что-то мы отвлеклись. А что же там Баклажанов? Университетская жизнь тем временем бежала вприпрыжку. Студентом он был не из прилежных и часто поддавался юношеским соблазнам. Жизнь эту он жаждал вкусить в полной мере, рассмотрев все ее грани, и частенько прогуливал лекции в угоду пивным посиделкам в Румянцевском саду или в каком-то из баров на Съездовской линии. Борух был из простой семьи, и тогда многого позволить себе не мог – стипендия была чисто символической, и хватало ее разве что на пару блоков сигарет, а желание носить модные в ту пору кожаные «косухи» и «казаки» было огромным, но с неба они не падали. «На заводе ты уже в детстве отработал, – размышлял Борух, все чаще задумываясь о трудовой деятельности параллельно учебе, – может, еще где сгодишься?!».

– На, почитай! – как-то сказала мать, положив перед ним газету с объявлением.

Популярная в ту пору молодежная программа «Полосатая лошадь» набирала новый состав ведущих. К тому моменту она уже существовала пару лет, но первый состав повзрослел и несколько выбивался из формата. «Ленинградское телевидение» – как звучит! Это было не просто сочетанием слов, в нем было что-то манящее – этакий сгусток сдержанно деликатного вольнодумства той короткой эпохи. Знаете, когда стоишь под холодным душем и чуть добавляешь горячей воды – этим чувством и был тот миг, когда чопорная советская школа входила в доселе неведомые ей двери. Этот симбиоз прежнего с грядущим был недолгим, но успел породить массу идей для воплощения.

– А что? Чем не идея? – чуть ли не вслух подумалось в ответ Боруху.

В ту пору жизнью он был побит еще не сильно и был относительно хорош собой, а лицо как раз зажило после культовых «жестковских» гуляний. К тому же он был наделен неким артистизмом и умением располагать к себе людей не без помощи чувства юмора. Он всегда был тонок и тонок на грани. С ним он открывал многие двери, но чувство то виделось ему лишь как инструмент или средство для чего-то большего, нежели чем просто брошенное на алтарь лицедейства.

«Ничем я других не хуже, все также горшки обжигаю», – подумал Борух тем воскресным утром, глядя на себя в зеркало. «Да я просто туз!» – уже вслух взбодрил себя Баклажанов. Он уложил гелем пышную в те годы шевелюру, надел кремовый плащ и отправился к телецентру на Чапыгина. Там еще с самого утра стояли бесчисленные толпы вождедеющих, и к входу было решительно не пробиться. «Я не тороплюсь», – подумал тогда он и, встретив в толчее каких-то знакомых, начал болтать с ними в сторонке о всяких пустяках. Тем временем редакторская группа окончательно решила взять бразды правления в свои руки и пошла в прямом смысле в народ, выбирая из толпы подходящих на их взгляд кандидатов. Видать, было в Борухе что-то этакое, посему кто-то вдруг резко схватил его за руку и, как гулящую девицу, увлек внутрь телецентра.

Борух прошел череду нехитрых конкурсов, где с хохмами и анекдотами, а где и без оных, но от танцев воздержался, ибо, как помните, танцором был неважным. Ведущим он в итоге стал и даже принял участие в съемках пары-тройки выпусков, но дальнейшего хода делу решил не давать. В народе часто ходила молва о разных мелочных подковерных интригах в артистических кругах, там же он столкнулся с ними лично. Тут же многое, как и в семье. Говорят, семейные склоки зачастую подогревают отношения, его же они ничуть не вдохновляли, а наоборот, наводили на него скуку и апатию, да и не барышней он был, чтоб искать достойную партию, подавая себя через экран. Всех тогдашних телевизионных небожителей он повидал, «внутринку» понял, в буфете отмечался и через некоторое время как-то органично оттуда испарился.

И вновь разброд и шатания в мыслях, и вновь поиск. Как-то один приятель нашептал ему о курсах гидов при тогдашнем «Интуристе». Тот к тому времени сам их уже закончил и всю работу рассказывал он о них так красочно, как сектант трубит о своей церкви очередному пойманному у метро «лопуху», что Баклажанов волей-неволей всячески проникся. Тем более одет он был в «косуху» и «казаки», чем уже окончательно убедил Боруха, что это был верный путь к сладкой жизни.

«Гидовство», назовем его так, вообще ремесло великое. Во-первых, оно отчасти путешествия заменяет, просто в поездки едешь ты сам, а тут весь мир у себя принимаешь. Со всего света люди к тебе едут со своими обычаями, культурой, манерами и историями, и ты, считай, за один день в десятке стран побывал. Одни тебе про тонкости родео и фастфуда доложат, другие про то, во сколько и как чай пить правильнее и газоны стричь, третьи – откуда на внедорожниках «кенгурятник» взялся, а от четвертых что-нибудь про наркобаронов выведешь. Ты же в свою очередь их живописью и архитектурой попотчешь и «окультуренными» восвои отправишь. Вот такой бартер, в чем-то равнозначный, в чем-то нет. Всяко интереснее, чем по ларькам пивом торговать или по «стрелкам» ездить.

Мысли эти часто посещали Боруха в минуты ожидания. В них же он был и тем ранним утром, когда ждал прибытия очередного круизного корабля на 33-ий причал торгового порта. Эти ощущения трудно передать, когда солнце только встает над тихой гладью воды, и вот вдалеке появляется он – белый лайнер. Сначала он маленький, как дитя в колыбели, но с каждой минутой растет ввысь и вширь, как человек с годами набирается мудрости, и вот ты уже смотришь на него снизу вверх, как на купчинскую девятиэтажку.

– Вы Борух Баклажанов? – раздался сзади голос, вернув его из минутного забытья.

– С вечера как минимум!

– Я Ирэна, мы с Вами в паре гостей в Эрмитаж повезем. Автобусы под завязку грузить будут, а в музее наш уже на две части разделим, чтоб работать легче было! – сказала она.

– Родители Ваши легких путей не искали, смотрю, могли б и на «Ирине» остановиться, – с улыбкой бросил Баклажанов.

– Странно это именно от Вас услышать, Борух! – парировала та.

– Принимается!

– По пути, – продолжила Ирэн, – говорить будем поочередно, но если я почувствую, что чаевые уплывают, как говорил коллега Бернблит, я буду вынуждена забрать микрофон и включить резерв.

– Приятно, что цитируют великих! – послышалось сзади.

Это и был Миша Бернблит, который случайно услышал их разговор. «Мишей» он, правда, был единицам, поскольку Михаил Владимирович был из старожилков. Отрасль эту он двигал еще со времен Батыя, снискав недюжинное уважение, и всяческих вольностей себе не позволял – на работу выходил исключительно в костюме, как парторг на собрание, и с дипломатом, чем поначалу Боруха несколько насторожил, поскольку одного человека с дипломатом он уже знал. Роста Михаил был невысокого и чуть полноват, что отнюдь не мешало ему носиться по причалу как метеору и раздавать ценные указания молодежи, для коей он уже тогда был ходячим монументом. В общем, он был еще той старой «интуристовской» выучки и школы, а та ковала знатно.

Время пролетело довольно быстро. После Эрмитажа был тур по городу со всеми известными фото-стопами, и вот они уже прибыли обратно в порт. День к тому времени уже клонился к закату, но то было время белых ночей, да и погода радовала как никогда.

– Может, в кафе каком посидим в центре, если время позволяет? Я угощу чем-нибудь, а потом по набережной прогуляемся за те же деньги? – предложил Борух.

– Только не виски с содовой, а то от них уже изжога моральная!

Ирэна Вески была определенно интересным человеком и как-то сразу Баклажанову понравилась. Замужем она была лишь в студенчестве, выйдя за свою институтскую любовь Сережу Содового, и какое-то время даже носила двойную фамилию, посему моральную изжогу ту не ветром надуло. Союз тот, правда, был менее крепким, чем напиток, и через пару лет приказал долго жить. В итоге Ирэн вернулась к девичьему варианту и уже лишь отбивалась от вопросов, а не сестра ли она той самой? Называла она себя барышней молодой, но пожившей, характера была легкого, посему они быстро перешли на «ты» и задорно болтали о всяческих разностях.

– А как тебя, молодого да раннего, в эти гидовские дела принесло? Ты вуз какой-нибудь языковой заканчивал? – спросила Ирэн.

– Учусь еще. На филфаке!

– По диплому-то кем будешь?

– Филолог-германист!

– Филолух-гармонист?

– Филолог-германист, говорю! – улыбнулся Борух.

– Ааа, слышалось просто! – съязвила та.

– А ты какими судьбами в профессии этой оказалась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.